АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ
ЗВЕЗДНАЯ
ВАХТА

Александр Громов

Звездная вахта (сборник)

«Эксмо»

2012

Громов А. Н.

Звездная вахта (сборник) / А. Н. Громов — «Эксмо», 2012

Как выбраться со дна гравитационной ямы?Как справиться с животным нанотехнологическим и животным космическим?Нужен ли человеку личный астероид?Как поступить, если обнаружишь, что Вселенная разумна?Над этими актуальными вопросами размышляют герои рассказов и повестей Александра Громова, написанных им за несколько последних лет.

© Громов А. Н., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Со дна 5
Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 29
Глава 7 33
Глава 8 36
Глава 9 39
Глава 10 43
Глава 11 47
Глава 12 51
Глава 13 54
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Александр Громов
Звездная вахта (сборник)

Со дна

Глава 1
Превратности жизни

«Ни за кого не ручайся», – предостерегал античный мудрец. Следовало бы уточнить: и за себя тоже. Валентин Ферфакс Эрик Исиро Прямухин и помыслить не мог, что имидж баловня судьбы однажды сыграет с ним злую шутку. А как хорошо все начиналось! Как ровно и поступательно шел Валентин по жизни, как легко поднимался со ступени на ступень!

Он происходил из старинной семьи, уважаемой не только на Терре, но и в доброй половине обитаемых миров. Его родословная по отцовской линии прослеживалась на две тысячи лет, а по материнской – и того дальше, вплоть до окутанного дымкой легенд земного периода истории человечества. Он был отдаленным потомком Данилы Прямухина, великого первопроходца, солдата и администратора, основавшего первую колонию на Терре и увековеченного в многочисленных скульптурах и живописных полотнах. Многие века предки Валентина поставляли Империи удачливых предпринимателей, храбрых воинов и толковых управленцев, а когда Терра, отколовшись, возглавила Лигу Свободных Миров – поставляли их Лиге.

И не зря, как видно. После долгого периода дипломатических, торговых, холодных и горячих войн Империя была вынуждена признать независимость Лиги. Это случилось почти тысячу лет назад. Галактическое человечество раскололось на две части, а с возникновением Унии и на три. В дальнейшем Империя мало-помалу ветшала, тогда как Лига только усиливалась. Валентин мог с гордостью сознавать, что процентов на десять Лига была обязана своим могуществом его, Валентина Прямухина, предкам.

Он был знатен, красив и не беден. В его жилах смешалась кровь многих народов, и казалось, что от каждого народа он взял только лучшее. Генетический разбор выявил в нем гены древних римлян и норманнов. Присутствовали германцы, бритты, славяне и венгры. Одним из его предков по материнской линии был японец Исиро Томита, знаменитый командир Молниеносной эскадры и главный автор победы в Битве шести флотов. В великую толпу других предков затесалось на удивление мало одиозных фигур и пустых прожигателей жизни. Природа сработала Валентина из качественного материала и на совесть.

К тридцати годам он дослужился до поста дипломатического советника второго ранга и уже выполнял ответственные поручения на второстепенных планетах Лиги. Он умел быть жестким, умел и обворожить. И то и другое получалось у него естественно, как дыхание. Стройный, высокий, с мускулистым торсом и копной золотистых волос, унаследованных от предков-викингов, Валентин привык, что на него оглядываются повсюду, где бы он ни появился: на дипломатическом приеме, на улице, на пляже. Он шел, а позади него женщины вздыхали и строили планы. Какая чушь!.. Толпе охотниц не по зубам такая дичь. Да он и не дичь – он сам охотник. Он всегда знал, чего хочет от жизни, и его недавняя помолвка с прелестной Вивьен Лоусон, дочерью финансового магната, должна была помочь ему подняться еще на одну ступень.

Он твердо знал, что достоин этого. Как и многого другого. В тридцать лет жизнь только начинается, впереди еще десятилетия больших дел и дальнейшего восхождения. Но тот, кто

думает, что можно расслабиться хоть на год, хоть на день, никогда не поднимется к вершинам. И это правильно. Можно родиться в хорошей семье и с удачным набором генов, но это означает лишь занять удобное место на старте. Остальное в твоих руках.

И этого остального, признаться, до черта!

Когда Пегий Удав вызвал его к себе, Валентин насторожился, но то была приятная настороженность. Конечно, беседа могла сулить все что угодно, но сам по себе интерес первого вице-министра по делам Лиги к Валентину Прямухину говорил о многом. Немного неожиданно, но очень кстати! Пора, пора подниматься на новую ступень. Самое время.

Как всегда, Пегий Удав выглядел так, будто хотел наброситься на собеседника, стиснуть его в объятиях и отъесть голову. Несведущие пугались до впадения в ступор. Неоперившиеся дипломаты испытывали робость. Валентин держал себя корректно и бесстрастно: мол, школа у меня есть, и ты это видишь, что дальше?

– Гхм, – кашлянул наконец Пегий Удав, почувствовав, что затягивать паузу бесполезно. – Я ознакомился с вашим личным делом…

«Не сейчас ты с ним ознакомился и не вчера, – подумал Валентин. – Не твой стиль. Ты еще год назад, лысина пятнистая, положил на меня глаз. А если не год назад, то два. И таких, как я, у тебя на примете не один десяток, но выбрал ты меня».

Сделав на пробу еще одну паузу и посверлив Валентина взглядом, Пегий Удав дождался лишь легкого почтительного кивка: понял, мол. Жду, мол. Всегда, мол, готов.

– Отзывы о вашей работе в основном хорошие, – брюзгливо продолжил первый вице-министр. – Они вынуждают меня предложить вам проявить себя в сложном деле. Согласны?

Слово «вынуждают» он произнес с отвращением. Валентин внутренне улыбнулся и ничем себя не выдал. Старую гвардию не столкнуть с убеждения, что молодежь ни на что не годна, и старая гвардия с удовольствием демонстрирует это: пусть-ка молокосос заметит пренебрежение и в лепешку расшибется, дабы переломить негативное мнение о себе. Древний и пустой трюк.

– Согласен, – молвил Валентин.

Пегий Удав ввинтил в него взглядом еще один шуруп.

– Предупреждаю: дело не из легких. Речь идет о специальной миссии на планете Трон Аида, иначе называемой просто Дном. Не думаю, что вам известно о существовании этой планеты…

Пегий Удав ошибался: Валентин что-то слышал о Дне, но лишь краем уха. Кажется, среди миров, колонизированных людьми, этот был одним из самых дискомфортных. Что было логично: порядочную планету Дном не назовут.

Да и Троном Аида тоже.

– Советую вам подробно изучить материалы, – продолжал Пегий Удав, – а пока кратко введу вас в курс дела. Дно – поганый мир, возможно, самая поганая планета из населенных людьми. Это дно настоящей гравитационной ямы. Планета велика, масса ее огромна. Вы весите около девяноста килограммов?

– Примерно, – кивнул Ватентин.

– Там вы будете весить двести двадцать. Весь персонал нашего торгпредства на Троне Аида пользуется экзоскелетами с гель-капсулой, и вам тоже придется. Иначе вы не продержитесь там и двух недель: либо сердце откажет, либо кости и суставы не сдюжат. Не переоценивайте свою физическую форму. Аборигены – жилистые коротышки, за тысячи лет там вывелась совершенно особая человеческая порода. Полутораметровый туземец – гигант по местным меркам… Что еще? Атмосфера под стать планете – плотная, как желе. Одно хорошо: не жарко и не холодно. Но ураганы такие, что скалы летают. Плюс землетрясения. Плюс вулканизм. Плюс местные формы жизни – по отзывам, совсем не подарок… Напугал?

Валентин позволил себе легкую, чуть-чуть пренебрежительную улыбку и смолчал.

– До сих пор вы работали на развитых планетах. – Тут Пегий Удав скривился так, будто сама мысль о том, что планета Лиги может быть развитой и благоденствующей, была ему отвратительна. – Вы вправе спросить, почему я посылаю на столь паршивую планету именно вас. – Он сделал паузу и не дождался ответа. – Вы не хотите задать мне этот вопрос?

– Полагаю, у вас имеются веские основания, – сдержанно ответил Валентин.

– Даже не сомневайтесь. Во-первых, вы молоды, сильны и спортивны. Кто же и выдержит условия Дна, как не вы? А во-вторых, и это главное, вы неплохо показали себя в работе. У вас талант добиваться своего, не особенно раздражая оппонента. В-третьих, для того чтобы рекомендовать вас на более ответственный пост, мне не хватает сущей малости: по-настоящему трудного задания, с которым вы справились бы блестяще… Между прочим, я хорошо представляю, что вам предстоит, если вы согласитесь отправиться в этот ад, и даю вам право передумать и отказаться. Что скажете?

Кто бы отказался? Как всегда: толика лести и обещание перспектив… Начальство вечно ловит подчиненных на примитивную наживку – и те неизменно ловятся. Да еще подчас не без радости.

Никаких гарантий, если поймаешься. Но если откажешься клюнуть на приманку – проиграешь наверняка. Разве есть выбор?

– Я согласен, – подтвердил Валентин.

– Тогда слушай дальше. – Пегий Удав внезапно перешел на «ты», что кого угодно наполнило бы гордостью. Подобно монархам древности вице-министр по делам Лиги «тыкал» лишь тем, кого полагал доверенным лицом. – Дно – сырьевая планета. Четыреста пятьдесят лет назад по условиям Фомальгаутского трехстороннего договора между Лигой, Землей и Унией она отошла к нам в качестве доминиона Терры. Земляне боролись за нее скорее ради проформы и в конце концов уступили: мир был нужен им сильнее, чем нам. С тех пор и по сей день Дно поставляет нам кое-какие металлы, ювелирные алмазы и биоматериалы естественного происхождения. Почти все это можно произвести и у нас, выйдет только чуть дороже. По сути дела, нас интересует не та небольшая прибыль, что дает нам Дно. Нас интересует сохранение статус-кво. Проблема обозначилась четыре года назад, и тогда мы не обратили на нее должного внимания. Дело в том, что почти на самом экваторе планеты торчит гора, самая высокая среди тамошних гор. Действующий вулкан. Носит веселенькое название Клоака Сатаны – и не без причины. Почти пять километров высоты. Ты, вероятно, хочешь спросить, почему высочайшая вершина планеты имеет столь скромную высоту?

Ни о чем подобном Валентин спрашивать не собирался, но изобразил на лице заинтересованность.

– Потому что она вовсе не скромная, если вспомнить о силе тяжести на Дне, – пояснил Пегий Удав. – Гравитация просто плющит горы, а ураганы норовят сгладить все, что торчит. Пять тысяч метров – это очень много для Дна. Однако дело не в том. Четыре года назад туземное правительство втайне от нас начало работы по прокладке на западном склоне горы канала громадной электромагнитной катапульты. Туземцы много на себя берут. Они в космос хотят выйти, в космос! – Последние слова вице-министр почти выкрикнул.

Валентин иронически приподнял бровь, в то время как мысль его напряженно буравила глубинные слои памяти. Что-то тут было не так… Вспомнил!

Дополнительный протокол к Фомальгаутскому договору, принятый в качестве подачки гнилым либералам. Параграф, согласно которому народ любой планеты, независимо от того, под чьим патронажем она находится, самостоятельно осуществивший выход в космос, автоматически обретает право суверенности. Этакий тест на зрелость нации. Чтобы его пройти, достаточно иметь нуль-передатчик и вывести его на высокую орбиту, где гравитационное поле планеты и ее магнитосфера не внесут в сигнал-заявку характерных искажений. Разумное усло-

вие. Без него было бы куда как просто украсть или тайно купить нуль-передатчик и послать сигнал прямо с поверхности…

Насколько помнил Валентин, на практике этот способ достижения независимости за четыре с половиной столетия сработал трижды… или четырежды? Нет, все-таки трижды. Не много. Что вполне понятно: большинство старых планет-колоний добилось независимости еще во время Первой галактической войны. И Земле, и Унии, и Лиге выгодно было тогда иметь сознательных приверженцев вместо озлобленных недоброжелателей. Кто мечтал о формальной, хотя и очень иллюзорной независимости и мог ее добиться, те и добились. После войны колониальные империи превратились в соперничающие блоки. В ранге колоний, протекторатов и доминионов остались лишь совсем никудышние миры…

Слаборазвитые. Либо бесперспективные, колонизированные когда-то по ошибке, либо населенные ленивым народцем или сектантами с неисправимым мозговым вывихом, либо очень сложные, обещающие хоть что-то лишь в отдаленной перспективе.

Видимо, Дно – из числа последних?

Никаких поспешных выводов Валентин делать пока не стал. Да и некогда было.

Усеянная старческими пигментными пятнами лысина Пегого Удава блестела от пота. В разговоре с молокососом, пусть даже подающим надежды, он мог позволить себе не сдерживать эмоции.

– Должен сознаться: своевременно получив информацию, мы проявили беспечность, почти преступную беспечность! – рычал он. – Во-первых, мы недооценили технический уровень аборигенов, а ведь он примерно соответствует техническому уровню Земли в начале космической эры. Во-вторых, мы чересчур понадеялись на природные факторы Дна. Да, атмосфера плотная, а планета тяжелая – забросить на орбиту даже маленький спутник не так-то просто. Да, аборигенам дважды пришлось, по сути, начинать все сначала: в первый раз их работу уничтожило землетрясение, во второй раз – ураган. Но они учли ошибки и теперь близки к цели. Пройдет месяц, самое большее два – и эти обезьяны добьются своего! А добившись независимости де-юре, они примкнут не к Лиге, а к Унии или, хуже того, к Империи землян!

Валентин внимал. Он уже понял, что от него требуется, но, конечно, помалкивал. Поставить задачу должен был Пегий Удав, это его прерогатива. На то начальство и существует – ставить задачи.

Внезапно вице-министр вновь замолчал. То ли успокаивался, бормоча про себя специальные мантры для аутотренинга, то ли изучал реакцию Валентина. А скорее всего, занимался тем и другим сразу.

– Вы должны сделать так, чтобы никакой спутник никогда не был запущен с той катапульты, – сказал наконец он ровным голосом. – И постарайтесь, чтобы никто не обвинил в этом ни Терру, ни вообще Лигу. Это трудно, понимаю, но попытайтесь. Главное, конечно, результат. Не выйдет сработать тонко – работайте грубо. Не мне вас учить. Вам окажут всемерное содействие. Срок подготовки очень краток. Могу дать пять-шесть дней, не больше. После чего вы отбудете на Трон Аида, постараетесь там адаптироваться и выполните вашу работу. Понятно или надо повторить?

– В этом нет необходимости, – улыбнулся Валентин.

– Вопросы?

– Мой официальный статус?

– Третий секретарь торгпредства. Вы не должны чересчур высовываться. Но, разумеется, можете рассчитывать на всемерное содействие персонала. Торгпред получил соответствующие указания. Еще вопросы?

– Пока нет. Но по изучении материалов, думаю, появятся.

– Вижу, вы не из тех, кто порет горячку, – ворчливо одобрил Пегий Удав. – Тогда ступайте. И помните: важнее всего вывести из строя катапульту, по возможности навсегда. Пусть выбросят из головы мысль о суверенитете…

Все-таки повторил. Все старики считают молодых несмышленышами. Стоит ли удивляться тому, что молодые считают стариков унылыми занудами?

«Сегодняшнюю встречу с Вивьен придется, пожалуй, отменить», – подумал Валентин, покидая кабинет.

«И завтрашнюю», – подсказал ему внутренний голос.

Глава 2
«Вспучилось и полезло»

К вечеру Валентин знал о Троне Аида все, что следовало знать. Он ввел себе базовые сведения через ментограф, после чего с удовольствием поспал три часа, чтобы не выглядеть ошалевшим от мозговой перегрузки. Но перед этим он провел короткую, но интенсивную тренировку в спортзале – сначала при нормальной тяжести Терры, а затем в гравикамере при полуторном весе. Врач настойчиво рекомендовал привыкать к тяготению Дна постепенно.

В многочисленных документах, поглощенных извилинами Валентина, планета чаще фигурировала под официальным названием Трон Аида, но встречалось и Дно. Обычная история: официально признанное, хотя и мрачноватое название, по мнению многих, недостаточно отражало суть, и авторы документов вольно или невольно сбивались на просторечие. К тому же сами аборигены весьма откровенно именовали свой мир Дном, а себя – донниками.

Самоуничижение? Похоже, да. Но само по себе оно еще ни о чем не говорило. Бывает привычное самоуничижение покорного раба – и бывает самоуничижение демонстративное: мол, считайте нас кем угодно, хоть глистом полосатым, мы не станем возражать, мы даже изобразим, будто нас и не могут звать иначе, но сами-то мы лучше вас знаем, кто мы такие, и однажды заставим считаться с нами… Переварив информацию, Валентин решил, что правящая верхушка, пожалуй, придерживается второй линии поведения, основная же масса населения – первой.

Тупы. Невежественны. Слишком поглощены примитивной борьбой за существование, чтобы развить в себе амбиции. Рядовому доннику незачем рваться в космос; подари ему экзоскелет с гель-капсулой – он по гроб жизни будет счастлив. Ясно, что с вербовкой агентуры на Дне не должно быть проблем.

О том же говорили и донесения. Однако к подбору агентуры рекомендовалось подходить с особым тщанием: агенты из донников, как правило, получались вполне лояльные, но при том безынициативные и на редкость тупоумные. В разработанные для Дна принципы вербовки Валентин не стал вникать – не его это дело. Агентурная сеть на Дне уже существовала и была достаточно разветвленной, чтобы не ветвить ее дальше.

Он проглотил колоссальное количество информации о планете. Дно сравнивали с Ураном – сноска уточняла, что речь идет о том Уране, что бродит по орбите в системе Солнца, или с более привычным для жителя Терры Асмодеем, если только допустить, что орбиты Урана и Асмодея проходят поближе к своим звездам. Планета имела крупное железное ядро, средняя плотность ее была высока. Магнитное поле заставляло заметно отклоняться подброшенный вверх стальной шарик. Пять шестых поверхности занимал океан, суша ограничивалась одним гигантским материком сложной конфигурации и несколькими вулканическими архипелагами. Содержание кислорода в воздухе было небольшим, но при огромном атмосферном давлении вполне достаточным, чтобы дышать без маски. Местные формы опасных для человека микроорганизмов отсутствовали. («Уже легче», – подумал Валентин.) Зато – не соврал Пегий Удав! – присутствовала чрезвычайно разнообразная макрофауна, бегающая, ползающая, плавающая и летающая. Бегающие и ползающие твари не отличались гигантизмом, зато в океане водились организмы колоссальной величины, а плотный воздух легко держал тоже немаленьких и притом зловредных летунов. Валентин лишь хмыкнул, уяснив себе, что хищники Дна чем-то напоминают освоивших планету людей: такие же примитивные, безмозглые и прямолинейные в своих устремлениях.

Но главное, конечно, тяжесть – неподъемная, нестерпимая для человека с Терры. Дураку понятно, почему столь жалкий мир удостоился статуса доминиона, а не прозябает в рядовых колониях: никакая присланная из метрополии колониальная администрация не выдержит

длительной работы на Дне. Проще сформировать правительство из влиятельных и лояльных туземцев…

Не очень-то лояльных, как выяснилось.

Никогда еще Валентину не приходилось работать в столь поганых мирах. До сих пор руководство сектора задействовало его энергию и интеллект лишь на развитых планетах. Разумеется, не на таких развитых, как Терра, но все же полноправных членах Лиги, гордящихся своей кажущейся свободой. Напыщенность туземцев забавляла молодых дипломатов. Поначалу Валентин с трудом сдерживал улыбку, беседуя с очередным местным прыщом, пытающимся казаться горой. Потом привык и хорошо изучил провинциалов. Ему начали поручать ответственные задания. Лишь за последний год он успешно провел переговоры с Эолом о новом торговом соглашении, свалил правительство на Тангейзере и много способствовал нейтрализации агентуры землян на Лиловой Кляксе. Чего ж еще?

Трон Аида, вот что еще! Это задание – барьер, фильтр для непригодных. Это стена, которую надо проломить. Известно: вице-министр не жалует молодых да ранних. Либо он хочет как следует пошлифовать перспективного молодого дипломата, сунув его на адскую планету и рассудив, что хуже не будет, либо надеется, что чересчур прыткий молокосос сломает там себе шею.

Валентин задумался лишь на несколько секунд. Нет, второе вряд ли: высоковаты ставки. Если донники запустят спутник, то его нуль-сигнал будет принят во всех уголках Галактики спустя считаные минуты. Анализ сигнала и определение галактических координат источника также не займет много времени. Максимум через десять часов на орбите планеты повиснут крейсеры Земли и Унии – поди, тронь их!

И тогда придется отступить, стерпев щелчок по носу. Лиге не нужен военный конфликт, Лига не готова, а Империя землян давно оправилась от той взбучки, что дала ей Лига в последней войне, и охотно подгребет под себя еще одну планету потенциального противника, будь то полноправный член Лиги или жалкая колония. Курочка по зернышку клюет.

Позвонило непосредственное начальство, посоветовало зайти в стационар. Валентин зашел – и в первую минуту не узнал Дональбайна Прусиса. Старый приятель и однокашник выглядел так, будто его совсем недавно старательно молотили кулаками, топили и пытались четвертовать лошадьми, причем проделывали все это одновременно, а перед экзекуцией неделю мучили бессонницей. Но бывший резидент Терры на Дне был счастлив, как мышь в сыре, поминутно подпрыгивал на койке и болтал без умолку.

– О! – закричал он, увидев Валентина. – Кого я вижу! Представляешь, эти вредители мне вставать не велят! Связки, говорят, лечить надо, позвонки и требуху. Пользуются тем, что я дисциплинированный пациент. Дурни! Да я сейчас летать готов! Я бы со штангой в руках в высоту прыгал!..

– Давно со Дна? – спросил Валентин, присаживаясь.

– Вчера. Последнее время дни считал, клеточки зачеркивал… А ты, как я слышал, меня заменишь?

– Похоже на то.

– Не кисни, выдержишь. Ты здоровый. Но качайся, пока еще здесь. Там пригодится. Большие у меня мешки под глазами?

Мешки были огромные, пугающие, все в мелких красных жилках, Валентин никогда таких не видывал, но решил не огорчать Дональбайна:

– Умеренные.

– Врешь. Я-то знаю. Планета меня недожевала, теперь тебя жевать станет. И у тебя такие же мешки будут недели через две-три, готовься. А лучше сделай дело раньше. Я вот не успел… и не жалею! Лавры пожнешь ты, а я не жалею, понял? Нет? Там поймешь…

– Настолько плохо? – осторожно спросил Валентин.

– Ну, если тебе удастся не вылезать из гель-капсулы или бассейна, то, в общем, терпимо. Только ведь не удастся! Вот тогда и пожалеешь, что на свет родился…

– А хорошего о планете ничего не скажешь?

Дональбайн задумался. Хмыкнул:

– Там замечательно красивое солнце.

– И только-то?

– А что, мало? Оно желтовато-зеленое. И еще луны, много лун. Штук пятнадцать, наверное. Очень, знаешь ли, красиво бывает, когда они выстраиваются в ряд в ночном небе. Только ничего этого простым глазом не видно: на Дне всегда облачность в десять слоев.

– Тогда зачем ты рассказывал о солнце и лунах, черт бы тебя побрал?

– Ты спрашивал о хорошем.

– Ладно, – проворчал Валентин. – Язык тебе, я вижу, лечить не надо. Давай о плохом. Тебе велено ввести меня в курс дела, ну так вводи.

Половину из того, что рассказал Дональбайн, Валентин слушал уже по второму разу, но не перебивал. Торгпредство находится в столице. Врата нуль-канала – одни, на территории торгпредства. Свирепые меры безопасности. Без пропуска, заверенного на самой Терре, никакой туземец сквозь Врата не пройдет. Экспортируемые со Дна грузы проверяются крайне дотошно, да и невелики те грузы… Означенный вулкан – в трех тысячах километров к юго-западу от столицы. Активен. Лавовые потоки и пирокласты сходят по преимуществу с восточного склона, реже с северного, западный же склон относительно безопасен. Там-то аборигены и строят свою электромагнитную катапульту…

Дональбайн углубился в технические подробности. Диаметр катапульты – девять метров, длина превышает пятнадцать километров, столько-то титанических электромагнитов установлено, столько-то гигаватт энергии можно подвести по линиям электропередачи, такую-то скорость на выходе может развить тысячетонная ракета, прежде чем включатся ее маршевые двигатели, угол вылета такой-то…

– Скажи проще: у них получится? – спросил Валентин, слегка заскучав.

– Откуда ж мне знать? – удивился Дональбайн. – Разве я инженер или баллистик? Наши специалисты считали и говорят: у них может получиться. Может. А получится на деле или не получится – это уж не в их власти. Но если и получится, то лишь при большом везении и на самом пределе…

– Это точно?

Дональбайн отчего-то развеселился.

– На Троне Аида ничего не может быть точным, – захихикал он. – Там поймешь. Главное – что? Теоретически донники могут запустить спутник. А надо, чтобы они не могли его запустить ни на практике, ни даже в теории. Всего-то. Знаешь, у всякого порядочного народа все главное либо впереди, либо позади, но только не у туземцев Дна. Оно у них сбоку. Все вехи истории проплыли мимо донников, а те их даже не заметили. Вот пусть и дальше не замечают.

В другой раз Валентин осадил бы Дональбайна – ишь, взялся поучать и ставить задачи, словно имеет на это право! – но сейчас смолчал и виду не подал. Пусть болтает. Пусть даже в полной мере ощущает свое превосходство над тем, кто еще не побывал на Дне. Все равно лавры пожнет тот, кто завершит миссию, а не тот, кто сломался перед финишем.

– Очень хорошо, – сказал он. – А откуда у них нуль-передатчик?

– Неизвестно, – пожал плечами Дональбайн. – Наверное, украли, а потом скопировали. Их уровень это позволяет. Но какая, скажи, нам теперь разница?

– Никакой, ты прав, – проговорил Валентин. – На орбите вокруг Дна мы что-нибудь имеем?

– Только законсервированную автоматическую станцию на одном из дальних спутников. Ей сто лет. Мертвый хлам. Так что, считай, ничего нет.

– Гм… А почему, собственно?

– Потому что незачем. Есть Врата, их вполне хватает, так зачем же посылать туда корабли?

– Но ведь это поправимо, не так ли? Чего-то я тут не понимаю… Скажи: почему бы не уничтожить этот спутник донников, чуть только он высунет нос из атмосферы? Трудно повесить на орбиту три-четыре патрульных катера и просто-напросто подождать?

– Ого! – Дональбайн даже глаза выпучил. – Видно, что ты не технарь. Ты вообще хоть раз видел нуль-передатчик?

– Представь себе, ни разу.

– Это вот такая фитюлька. Плюс батарея, плюс таймер, плюс антенна. Вся эта начинка легко влезет в корпус размером с кулак, а больше ничего и не надо. Мы просто не сможем обнаружить такую кроху. Работу двигателей ракеты в атмосфере тоже не удастся засечь из-за жуткой облачности до больших высот. Я ведь говорил уже. Но если даже и засечем на финальном отрезке, то вряд ли успеем что-то сделать до отделения спутника, а там сразу его потеряем. Вокруг Дна каких только камней не летает… Помимо лун там еще куча мелких спутников и система колец, ты знаешь?

Это Валентин уже знал. Не понимал только, почему нельзя запросто обнаружить искусственный спутник и уничтожить. Приходилось брать на веру – Дональбайн был широко эрудирован в вопросах, не имеющих прямого отношения к дипломатии.

– Ладно, – сдался Валентин. – Теперь расскажи о политической системе и раскладе сил на текущий момент.

Отекшая рожа Дональбайна выразила недоумение.

– Ты же изучал материалы…

– Эти – не в полном объеме, – слукавил Валентин.

– Хм… – Дональбайн задумался. – Хм… – проговорил он спустя минуту еще раз и подмигнул чудовищным глазом, чего подглазный мешок даже не заметил. – Тебе это надо? Хочешь моих субъективных впечатлений? Вижу, хочешь… Другой бы послал тебя зубрить, но я добрый. Только сделай для меня одну вещь в порядке взаимопомощи. Сделаешь?

– Смотря какую.

– Постой у двери на стреме, а я покину это лежбище и чуток разомнусь. Увидишь, что бежит медицина, – возьми ее на себя, отвлеки вредителей…

Валентин засмеялся и кивнул.

В тот день он успел еще раз провести тренировку при полуторной тяжести, а назавтра, добив основные материалы по Трону Аида, продолжил изнурять себя в гравикамере. Сон, размышления, новая тренировка, ментограф, опять тренировка, опять сон, вызов к начальнику сектора, и снова тренировка… Встретиться с Вивьен снова не получилось, и, кажется, она надулась. А Валентин, посмотрев на себя в зеркало, подумал, что не нужно откладывать прощальное свидание на последний день, не то невеста, пожалуй, разочаруется в избраннике. Тренировки при повышенной тяжести – сегодня он постепенно увеличил ее с полуторной до двойной – уже сказались на физиономии. До жутко отекшей морды Дональбайна дело пока не дошло, но из зеркала на Валентина смотрел отнюдь не гладкий дипломат с не лишенным признаков мужественности фальшиво-открытым лицом, а какой-то сомнительный потасканный тип. Осанка пока не пострадала, и на том спасибо.

На четвертый день он решил, что достаточно подкован в политическом болотце Дна, чтобы не угодить с первых шагов в гиблую трясину. По мнению Дональбайна, по мнению торгпреда, по мнению начальника сектора и, что еще важнее, по мнению Пегого Удава, правящая на Дне партия лоялистов водила метрополию за нос, и до недавнего времени довольно успешно. Еще полгода назад премьер-министр Дна категорически отвергал саму мысль о том, что какие-то силы на планете готовятся запустить спутник. Премьеру демонстрировали вещдоки: снимки

с дирижабля, копии документов о перемещениях строительных материалов, машин и финансов. Премьер – изрядный сукин сын – клялся в непричастности и обещал провести расследование. После третьего напоминания он и в самом деле распорядился создать правительственную комиссию по проверке фактов. За три месяца работы комиссия пришла к глубокомысленному заключению о том, что работы по созданию собственной ракетной техники Дна действительно ведутся и финансируются консорциумом «Чистое небо», поддерживающим оппозицию, однако носят сугубо предварительный характер и никаким боком не связаны с космосом. По мнению комиссии, проект запуска со Дна собственного спутника сугубо фантастичен и никогда не будет осуществлен. Максимум – небольшие ракеты для изучения атмосферы…

Почему? Чиновные туземцы улыбались и деликатно призывали раскрыть глаза пошире. Это Дно! Кто вкусил все его прелести, тот поймет. Что до упомянутого консорциума, то он на законных основаниях получил лицензию на разработку полезных ископаемых в районе, где находится упомянутый вулкан. Уверяем, что все возведенные там сооружения имеют отношение лишь к горным работам и, конечно, являются временными. Да и может ли быть иначе, если следующее извержение или ураган почти наверняка снесет их без остатка?..

Туземцы прикидывались дурачками, это было ясно. Они врали, и премьер врал. По настоянию Терры были устроены две инспекционные поездки. Первая закончилась крушением дирижабля, причем никто не выжил, а вторую возглавлял Дональбайн Прусис. Валентин закачал в себя сухой отчет и отправился к Дональбайну за подробностями.

– Что там за катавасия случилась? Выкладывай.

За трое суток физиономия старого приятеля стала несколько больше походить на человеческую. С опорной системой было хуже – Дональбайн лежал в каком-то приспособлении, напоминающем помесь экзоскелета с пыточным устройством, и, кажется, подвергался медленному вытяжению. Наверное, ему все же не стоило чересчур активно прыгать и кувыркаться, радуясь возвращению в мир нормальной тяжести.

– Привидения, – пробурчал Дональбайн.

– Прошу прощения?

– Да не здесь! У меня с головой все в порядке. Что смотришь? Не веришь – спроси моих мучителей. Я и на Дне с ума не сходил, а привидения там видел! Как раз в той инспекционной поездке. Думал, галлюцинирую…

– Ты видел привидения на Дне? – спросил Валентин.

– Видел. Никакой мистики, но пугает здорово. В моем отчете этого нет, но тебе скажу. Как только мы высадились на склон вулкана, тут оно и началось. Вспучилось и полезло неизвестно что – из трещины в склоне, наверное. Моргнуть не успел, глядь – качаются этакие туманные твари пяти метров ростом, щупальца тянут. Нестойкие квазибиологические коллоидные структуры – так мне потом объяснили. Любопытны и глупы как пень. То ли примитивная жизнь, то ли вообще не жизнь, кто ее разберет. Сильно опасными их не считают, но я тебе так скажу: если бы я не побежал от них что есть духу, в штаны бы точно наложил. Жутко очень.

Валентин сочувственно покивал: ничего, мол, бывает.

– Вы нашли там только развалины старых шахтных построек и руины лагеря горняков, – сказал он. – Причем не на склоне вулкана, а на равнине недалеко от него. А у тебя не сложилось впечатление, что туземцы водили инспекцию за нос? Возможно, и встреча с привидениями была не случайной, и вулкан был не тот? Как проверишь? Космической системы навигации на Дне нет, снимков из космоса для сравнения тоже нет и при вечной облачности даже в принципе быть не может…

– Не сыпь соль на рану, – проскрежетал Дональбайн. – Сам об этом думаю. Тогда мы ослы и нет нам прощения. Только учти: на Дне человек здорово глупеет, я имею в виду – нормальный человек. Ему там не о том думается. Так ты это учти и прими меры, какие сможешь…

– А туземцы?

– Глупые обезьяны. И хитрости-то у них обезьяньи!
«Но ведь ты-то попался на обезьянью хитрость», – подумал Валентин.
Дональбайн скрипнул зубами и отвернулся. Вероятно, он подумал о том же самом.

Глава 3
Билет домой

Первым, что увидел над собой Валентин, проснувшись, была замеченная еще вчера ветвистая трещина в потолке. Валентин повернул голову, что далось ему не без труда, и увидел, что трещина распространяется и на стену. Тогда он вспомнил, где находится, и издал неслышный стон.

Трон Аида. Дно. Тяжелая и притом сейсмическая планета, давно сгореть бы ей в космическом катаклизме. Жилая часть торгпредства.

Он не пробыл на Дне и суток – суток по счету Терры, поскольку сутки на Дне были вдвое короче, – и уже мечтал о возвращении. А ведь только вчера на Терре он довел перегрузку в гравикамере до кондиций Дна, научился двигаться без риска сломать или вывихнуть себе что-нибудь и вообразил, что можно так жить!

Нет, «жить» – это большая натяжка. Но уж во всяком случае продержаться несколько недель или, если сильно не повезет, месяцев. Так думалось.

Оказалось, что носить тяжести хорошо лишь тогда, когда в любой момент можешь избавиться от лишнего груза.

Грузом был он сам. Ныли мышцы. Вчера Валентин мужественно прошел долгую отсидку в шлюзовой гравибарокамере перед Вратами и столь же мужественно продержался несколько часов, знакомясь с временным начальством, новыми коллегами и новой обстановкой. К концу дня он лишь чрезвычайным усилием воли мог поддерживать непринужденную беседу. Ноги дрожали, кожа сочилась липким потом, челюсть все время норовила отпасть под собственным весом, все труднее становилось держать свинцовые веки, и даже ухоженная золотистая шевелюра показалась чрезмерно тяжелой. Мнилось, что она способна оттянуть скальп до самых пяток.

При этом он больше сидел, чем ходил, и больше лежал, чем сидел. Еще плавал. Глава торгпредства принял его в бассейне, и Валентин не заставил повторять дважды приглашение скинуть одежду и освежиться. Вода не только освежала – она держала. Лишь в ней, да в гель-капсуле подогнанного по росту и опробованного экзоскелета, да еще в гель-кровати можно было почувствовать себя человеком. Несомненно, превыше всех законов физики здешние старожилы почитали закон Архимеда.

Воздух внутри здания, фильтрованный и кондиционированный, все равно оставался воздухом Дна. Невозможно было шевельнуться, чтобы не ощутить его упругое сопротивление. Уроненная со стола бумажка, выписывая самые замысловатые кренделя, планировала на пол столь долго, что надоедало следить за ее траекторией. Шум в ушах, сильный вчера, сегодня ослаб, но не пропал, намекая, что намерен остаться с Валентином надолго. Мысль о том, что в воздушной среде привычной плотности ему пришлось бы таскать еще килограммов двадцать лишнего собственного веса, не очень-то грела. Торгпред вчера рассказывал за рюмкой крепкого, что где-то на крайнем юге материка якобы существует глубочайшее ущелье, по мере спуска в которое воздух постепенно сгущается все сильнее, пока не доходит до кондиций настоящей жидкости. Врал, наверное. Пересказывал мифы. Но не приходилось удивляться тому, что наиболее ходовым видом воздушного транспорта аборигенов служили дирижабли, причем мягкой конструкции – такие, чтобы можно было скатать их гондолы, выпустив из баллонов газ, и убрать пустые оболочки в подземные укрытия с началом сезона ураганов…

Убожество.

Но – контролируемое убожество. Помимо дирижаблей летали самолеты и вертолеты, по автострадам Дна перемещались приземистые, как черепахи, машины, способные устоять на дороге при сильном ветре, работала промышленность, где-то и как-то выращивались урожаи, и

на десятки километров по лавовым равнинам расстилались города с коническими или пирамидальными зданиями, устойчивыми к ураганам и землетрясениям. Лишь здание торгпредства назло местным стихиям нахально торчало серым кубом. Наверняка туземцы были уверены, что долго оно не простоит…

Трещина в потолке спальни склоняла к той же мысли. Что ж, долго он здесь не задержится. Валентин решил это твердо. Он выполнит задание, донники и думать перестанут о том, чтобы запускать в небо спутники, нарождающийся сепаратизм туземцев будет подавлен самой планетой при некотором участии эмиссара с Терры – и домой, домой! Разрушение катапульты – это и есть билет домой. С триумфом. Со щитом и всевозможными венками.

Он прокрутил в уме картинки, выданные ему специалистами, понимающими техническую сторону проблемы. По их мнению, обыкновенная электромагнитная катапульта не способна обеспечить ракете-носителю необходимый предварительный разгон – помешает торможение о воздух. В этом пункте Валентин был согласен со спецами безоговорочно: тот, кто пробыл на Дне хоть час, надолго запомнит эту желеобразную среду, которой приходится дышать. Значит – что? Инженеры указывали: катапульта должна быть построена по принципу пневмотрубы, воздух перед разгоняемой ракетой должен отсасываться, а позади нее – нагнетаться. Стало быть, относительно герметичная труба, ее торцы должны быть закрыты некими заслонками, и на конечном этапе предварительного разгона выпускная заслонка должна открыться автоматически, скорее всего, одновременно с запуском маршевых двигателей ракеты. Сама по себе принципиальная реализуемость такого стартового комплекса не вызывала у инженеров сомнений. Валентин и тут с ними не спорил: люди справляются и не с такими проблемами.

Но то люди, а то донники!

Вчера Валентин насмотрелся на них вдоволь – и на гостей торгпредства, и на обыкновенных горожан. Не вняв советам, он решился на прогулку по столице. Преступность на Дне практически отсутствовала, да и кто осмелился бы напасть на гостя из метрополии? Закованный в экзоскелет, он возвышался над туземцами, как титан над гномами. Гномы едва доставали титану до коленного сустава. По сути, экзоскелет был большим шагающим роботом, несущим в себе гель-капсулу с человеком. Гель был замечательный: не прилипал ни к коже, ни к одежде и благодаря архимедовой силе значительно снижал вес.

Все равно было тяжеловато, особенно шее. Можно погрузиться в гель по самый подбородок, но кочан головы все равно будет торчать сверху и давить, давить на позвоночный столб…

Прогулка преследовала еще одну цель. Торгпредство выходило фасадом на широкую улицу, и Валентин прошел ее всю, неприязненно косясь на приземистые конусы и пирамиды туземных домов. В конце он якобы случайно свернул в тупик и немного потоптался там, прежде чем с видимым неудовольствием обнаружил отсутствие дальнейшего пути. Это был сигнал агенту Астра о выходе на связь. С него Валентин решил начать. Ругая тупоголовых туземных агентов, Дональбайн отзывался об Астре сравнительно благосклонно.

Наверное, агент Астра жил где-то неподалеку. Вероятно, он имел техническую возможность постоянно отслеживать тупик. Еще позавчера Валентин удивлялся: не дурак ли Дональбайн, раз выбрал столь бросающийся в глаза сигнал? На Дне пришлось убедиться: нет, не дурак. Донники тупы по самой своей природе. Они слишком поглощены борьбой за выживание, их интеллект, если о нем вообще можно говорить, изощрен только в этом. Подумать только – у них практически нет преступности!

А почему? Вчера Валентин удивился, узнав об этом. Сегодня, размышляя и сопоставляя, он согласился с мнением экспертов: выжить на Дне можно только сообща. Помогая друг другу бескорыстно и не дожидаясь просьбы о помощи. Так они и выжили, а всевозможные хитрованы-индивидуалисты, не говоря уже о клинических асоциалах, выбраковывались есте-

ственным порядком на протяжении тысячелетий, пока их практически не осталось. Будь иначе, человечеству просто не удалось бы зацепиться за Дно…

Продираясь сквозь густой воздух, продавливая его, чувствуя себя мухой в сиропе, Валентин клял донников за то, что у них не случилось иначе. Тогда бы не было на этой планете людей, мечтающих, видите ли, о запуске спутника!

Он попытался представить себе местную криминальную полицию и расхохотался бы, будь он менее вымотан прогулкой. А контрразведка? Наверное, она существует, коль скоро правящие круги Дна не лишены примитивных понятий о хитрости, – но где она? Пока не видно. И Дональбайн не ощущал ее внимания, и его предшественники… Наверное, и ощущать-то нечего. А жаль! Как ни противно бороться со слабосильными, Пегий Удав выше оценит победу, если на пути к ней донники воздвигнут коварные – по их убогим представлениям – препятствия.

Гонимое ветерком, проплыло зеленое облачко воздушного фитопланктона. На всякий случай Валентин обошел его стороной, хоть и дышал сквозь фильтр. Дымя смрадным выхлопом, пронеслась на бешеной скорости – километров сорок в час – черепахоподобная механическая повозка, и ощутимо ударил в лицо взбаламученный воздушный кисель. Протопали двое туземцев, катя детскую коляску – немалой прочности конструкцию на толстых осях. Имей коляска гусеничный ход, Валентин не удивился бы: какова планета, таковы и конструкции. Лица туземных коротышек дивно гармонировали с цветом дорожного покрытия. «Какие-то они тут все серые, – подумал Валентин. – Ультрафиолета мало, так, по идее, туземцы должны быть белые вроде мучных червей, а они серые. И планета у них серая, и жизнь наверняка такая же…»

Бабах! Тах-тах-тах-тах!.. Бабах!..

Валентин вздрогнул от неожиданности и боли в барабанных перепонках. Пальба велась с нескольких точек, и каждый выстрел болезненно бил по ушам. Бабах! Бабах! Тах-тах-тах-тах-тах… Кретины!.. Куда стреляют, в кого стреляют, зачем стреляют?..

Он не успел оглядеться по сторонам. Невероятной силы удар обрушился на него сзади. Испугаться Валентин тоже не успел. Падая вперед, он с болезненным интересом размышлял: выдержат ли ребра экзоскелета такой удар о мостовую?

Упав, он отключился всего лишь на секунду. Экзоскелет был вроде цел, он по-прежнему повиновался малейшим движениям мышц, и гель-капсула исправно уменьшала тяжесть тела, но почему-то сильно болела правая лопатка. Ранен?.. Валентин поднялся на четвереньки, затем встал во весь рост и осмотрелся.

А посмотреть было на что. Парочки с коляской и след простыл, зато там, где она только что была, с хриплым криком корчилась огромная кошмарная тварь, разевая зубастый клюв и молотя по мостовой кожистыми крыльями. Еще с десяток таких же тварей кружили над городом, временами ныряя к самым крышам и вновь взмывая в серое клубящееся небо. По ним били с нескольких точек. Тах-тах-тах-тах! – захлебывались малокалиберные зенитки. Бабах! – мучительно для барабанных рявкали орудия покрупнее. Быстро гася скорость в плотной воздушной среде, снаряды становились видимыми и круто поворачивали к земле. Вот одна крылатая тварь наткнулась на россыпь излетных снарядов, но лишь взмахнула крыльями, недовольно вякнула и поднялась выше. Другой бестии повезло меньше – ее развороченное туловище неспешно, как в замедленной киносъемке, кувыркаясь, падало на конические кровли.

Валентин досмотрел представление до конца. Две твари были убиты, одна подраненная ушла со снижением, остальные вышли из зоны поражения и растворились в мутном небе. Буравя воздушный кисель винтами, в ту же сторону устремилось звено короткокрылых самолетов, как видно, только что поднятых по тревоге, и уже издалека донеслось приглушенное «тах-тах-тах-тах». Охамевших птеродактилей пытались если не добить, то хотя бы выработать

у них привычку держаться от столицы подальше. Лишь тогда к Валентину подбежал смахивающий на гнома абориген.

– Ты цел? – У гнома был смешной акцент.

– Я ранен, – процедил Валентин, осознав, что от банального ушиба лопатка болела бы не столь сильно и вообще иначе.

– Сам доберешься? – Туземец явно не собирался оказывать первую помощь пострадавшему.

– Сам доберусь, – зло буркнул Валентин. Лопатка здорово саднила, и по ней, кажется, струилась кровь.

Туземец побежал дальше по своим туземным делам. Еще вчера Валентин вволю посмеялся бы принятому на Дне стилю бега – сильно наклонившись вперед и загребая воздух руками, как плывущая собака, – но теперь он уже успел окунуться в донное бытие и не видел поводов для смеха. Сволочной город – хищники над ним летают… И это еще столица! Сволочная планета… И населяющие ее карлики – сволочи. Вот этот – ясно же видел, что перед ним дипломатическое лицо, получил информацию о ранении и преспокойно удрал, даже не подумав вызвать экстренную медицинскую бригаду. Конечно, дипломатическое лицо и само доберется до торгпредства, оно даже сказало об этом туземцу, но пиетет-то должен быть! А если не пиетет, то хотя бы обыкновенное сострадание!

Изощряясь про себя в придумывании новых гнусных эпитетов здешним гномам, Валентин заспешил к торгпредству.

– Привыкайте, – внушал ему полчаса спустя Леонардо Квай, молодой рыжий парень, одолженный Валентину торгпредом в качестве помощника. – Это Дно. Каково местечко, таков и народец. Никаких комплексов. Примитивный рационализм. Переговоры с ними вести – скука смертная. Что?.. Бессердечные скоты? Ну, в какой-то степени… А вообще, зависит от точки зрения. Вот тот ваш туземец – он ведь спросил, доберетесь ли вы сами. С его точки зрения – проявил заботу. Он знает, что наша медицина не чета местной. Вы ответили утвердительно, вот он и отстал. Видел же: рана ваша не опасна, экзоскелет исправен, что же еще? С туземной точки зрения, тот карлик сделал все, что мог и что должен был…

– С-с-скотина! – шипел Валентин.

Если верить Кваю, не произошло ничего экстраординарного, но Квай был склонен упрощать. Вчера Валентин попросил его в порядке теста загадать любое число от единицы до миллиона.

– Загадал.

– Ну и что вы загадали?

– Единицу.

– Почему?

– Можно ведь? – Квай удивленно поднял рыжие ресницы.

– Можно. Но почему единицу?

– Просто принцип экономии мышления.

Кажется, этот принцип был для Квая главным правилом жизни вообще, а жизни на Дне в особенности. То ли он всегда был таким, то ли научился у туземцев.

Телесно Валентин уже почти не страдал – наложенный на рваную рану заживлятор быстро делал свое дело, – зато страдал духовно. Не-ет, от представлений о порядочности, даже таких рудиментарных, какие бывают у нормального дипломата, здесь придется решительно избавляться. Нечего церемониться с донниками – церемоний иногда заслуживают люди, но не примитивные живые механизмы.

И отлично! Тем легче будет заслужить билет домой.

Тот самый. Со щитом и лавровыми венками.

Глава 4
Уродина Астра

Он плавал в бассейне, блаженно расслабляясь после прямохождения. В здании торгпредства помещались три бассейна – один большой, общий, один малый для личных нужд торгпреда и один лечебный у медиков. Как следовало из информации о Троне Аида, каждая порядочная семья туземцев имела собственный бассейн, пусть совсем крохотный, вроде корыта. Без периодического отдыха от излишней тяжести не могли обходиться даже донники.

Туземца он слушал вполуха – принесенная им информация большего не заслуживала. Туземец был крайне мал ростом, как все донники, узловато мускулист, кривоног, волосат и подобострастен. Плавая вокруг Валентина кругами, он все время старался искательно заглянуть в глаза хозяину – такому большому, важному, величаво медлительному. Весь вид агента демонстрировал готовность служить, и служить с радостью. Имел бы хвост – непременно завертел бы им, как пропеллером. Туземная агентура работала за деньги и туманную перспективу когда-нибудь покинуть Дно. Деньги везде деньги, иметь их всякому приятно – можно, например, оборудовать свой дом большим бассейном вместо маленького, – но главной приманкой, конечно, служила иммиграция на Терру или какую-нибудь другую развитую планету Лиги. Денежные суммы шли агентам исправно, но первый приз пока еще не достался никому.

Валентин считал это неправильным. Надо поощрить кого-нибудь одного, наглядно показав туземным коротышкам, что их заветная цель достижима, – тогда они в лепешку расшибутся, рогом будут землю рыть, а некоторые, возможно, даже поумнеют. Но не этот…

Туземец числился по транспортному департаменту. Он подробно докладывал о шоссе, протянутом еще в позапрошлом году к подножию Клоаки Сатаны, о мостах, переброшенных через свежие тектонические разломы, о нескончаемом ремонте этого шоссе, а главное, о перевезенных по нему грузах. Впрочем, после постройки близ вулкана центра управления полетом, сборочных цехов для ракет-носителей и всяческой инфраструктуры, после завоза оборудования и рабочей силы главной дорогой сделалась воздушная. Громоздкие секции катапульты доставлялись к месту грузовыми дирижаблями, а по шоссе продолжали возить всякую мелочь. Судя по характеру грузопотоков, работы близились к завершению.

– А топливо? – спросил Валентин.

Туземец захлопал серенькими безресничными веками – соображал, о чем шеф ведет речь.

– Для электростанции? – спросил он наконец.

– Нет, – терпеливо сказал Валентин. – Не для электростанции. Я знаю, что мощная тепловая электростанция в окрестностях Клоаки Сатаны давно построена. Я знаю, что она дает ток. Я знаю, что проще было построить электростанцию на месте, чем тянуть издалека линию электропередачи, тем более что ее постоянно рвало бы ураганами и сейсмическими подвижками. Я знаю, что электростанция снабжает энергией сборочное производство и стройку. Я знаю, что она будет снабжать энергией катапульту. Я знаю, что станция работает на каменном угле. Я даже догадываюсь, что без угля никакого электричества станция не давала бы. Один плюс один будет два: если электростанция исправно работает, значит, топливо для нее завезено. Соображать надо. Я спрашивал о другом топливе.

Агент вновь погрузился в мыслительный процесс. Даже плавать перестал. Надув брюхо, завис в воде серой лягушкой, морщил узенький лобик, рожал мысль.

Роды оказались трудными. Туземец мучился.

– На чем летает ракета? – пришел на помощь Валентин, устав ждать.

– Так это… на электричестве же, – заморгал агент. – Магнитное поле ее толкает. Она, значит, сперва на специальной тележке едет, рельсы там в катапульте проложены, потом, значит, тележку долой и дальше так летит…

Валентин тяжко вздохнул.

– После вылета из катапульты на каком топливе она движется? – применил он кесарево сечение. – На жидком ведь, так?

– На жидком, – не стал отрицать туземец.

– Уже легче. Я как-то догадывался, что не на мускульной силе. Значит, на жидком топливе. Вот я и хочу знать, завезено ли к стартовому комплексу это самое жидкое топливо, а заодно и окислитель. Топливо и окислитель. Завезены ли. Теперь понятно?

Туземец просиял.

– Пока не завезены. Но хранилища для топлива и этого… м-м…

– Окислителя, – подсказал Валентин.

– Во-во, окислителя. Хранилища для них обоих, значит, построены, ждут.

– Я должен знать день, когда горючее и окислитель для ракеты-носителя поступят в хранилища на стартовом комплексе, – тщательно выговаривая каждое слово и не торопясь, чтобы до туземца дошло, проговорил Валентин. – Задание понятно? Если я узнаю об этом в день доставки, вознаграждение обычное. Если я узнаю заблаговременно, скажем, не менее чем за три дня, вознаграждение удвоенное. Плюс – при успехе моей миссии – обещаю похлопотать о визе.

Донник расплылся в блаженной улыбке. Даже дышать на время забыл, отчего немедленно погрузился на дно. Валентин уже успел убедиться в том, что вода плохо держит карликовые, но плотно сбитые тела донников. Что ж, на то они и донники, чтобы идти ко дну…

Конечно, этот дурак на Дне и останется. Валентин и представить себе не мог, что будет хлопотать за него. Но проводил агента с самой любезной миной и лишь после его ухода расслабился на несколько минут.

Хотелось плакать, а еще больше – смеяться, хохотать во весь голос, баламутя воду, пуская пузыри и рискуя захлебнуться. Что за мир! Вместо хитроумной игры в кошки-мышки с бдительной контрразведкой, вместо титанического напряжения духовных сил, вместо состязания интеллектов, вместо конспиративных квартир, тайников и головоломных шифров резидент принимает агентуру прямо на дому! Ничего не боясь, агент получает деньги наличными. Он спокойно входит в торгпредство, и охрана пропускает его, зная в лицо. Никому он не подозрителен, никто, по-видимому, не следит за ним. А кого ему бояться? Таких же тупых, ограниченных и нелюбопытных, как он сам? Не страшно…

Дурдом.

Ползал по дну робот-чистильщик, соскребая налет, прокачивая сквозь себя воду. Валентина он опознал как объект «пользователь» и не мешал. Туземцев он нередко опознавал как «посторонний предмет».

И был недалек от истины.

– Привет! – раздался сзади мелодичный голосок.

Первым неосознанным желанием Валентина, когда он обернулся, было смутиться, вторым – прикрыться руками. С первым желанием он кое-как справился, второе – осуществил. Он знал, что Астра – женщина, но не подозревал, что такая. Чертов Дональбайн! Мог бы проинструктировать точнее.

Красавица? Пожалуй, нет. Но мила. А главное – рост! Метр шестьдесят, наверное, или около того. По стандартам Терры чуть маловата, но по меркам Дна – гигант! Редкостная дылда. И как она передвигается, веся здесь килограммов этак сто тридцать – сто сорок? Святая Лига! Да она движется не без изящества!..

– Э… агент Астра? – осведомился Валентин, с удовольствием отметив, что голос его звучит почти как надо, и с неудовольствием – что он готов покраснеть. Черт знает что. Дональбайн все-таки сволочь.

– Точно, – ответила туземка. – Астра. Звезда на каком-то из древних наречий. Я знаю, что такое звезды. Видела на фото. Кстати, Астра – это мое настоящее имя. Разрешишь присоединиться?

Валентин едва глазами не захлопал, когда она, не дождавшись приглашения, без стеснения начала раздеваться. И немудрено было испытать краткий шок: в высшем обществе Терры ценились строгие нравы. Да и на других планетах Лиги, где приходилось работать Валентину, местная элита подражала элите метрополии. Низы общества – те, конечно, по-всякому, но они же низы, что с них взять…

Все, что Валентин успел узнать о Дне, говорило ему о том, что с элитой на Дне туговато. Точнее сказать, какова планета, такова и элита. Астра заведомо не принадлежала к низам, но вела себя точно так же. Чего, мол, стесняться наготы. Что, мол, естественно, то не безобразно. Ну-ну.

Пришлось приветственно помахать рукой: сигай, мол, сюда, вдвоем веселее. Нет, он не позволит какой-то дикарке заметить в ее шефе и тени смущения!

Одежда соскользнула на пол. Шаг, прыжок – и Астра, сложив над головой руки, вошла в воду идеально, как будто всю жизнь только этим и занималась. Против воли Валентин почти залюбовался. Пусть тяжесть планеты никому не дала бы описать красивую дугу, пусть прыжок в воду больше походил на стремительное падение, но черт возьми – даже оно было красиво!

Интересная особа… Одним взглядом Валентин отметил очень белый цвет кожи, чересчур выпирающие мышцы, полное отсутствие жира, слабо обозначенную талию и маленькую грудь. Пропорции Астры были далеки от стандартов Терры, она могла бы служить живым пособием по анатомии опорно-двигательной системы, и все же смотреть на нее было приятно. По контрасту, наверное. Лучше голая перетренированная атлетка, чем голый безобразный гном.

Она вынырнула прямо перед Валентином, причем гораздо скорее, чем он ожидал. Один миг, скользнувшая под водой тень – и вот она, Астра, плавает рядом и глядит зелеными глазами.

– Давай знакомиться. Теперь ты будешь вместо Дональбайна, так?

– Да. Меня зовут Валентин. И прежде всего я бы хотел…

– Ты большой, – перебила Астра. – Постой, не вертись, я хочу посмотреть на тебя… Да, большой. Тебе будет трудно. Тебе уже трудно, так? Поэтому бассейн, я понимаю. Дональбайн был меньше тебя, а все равно надорвался. Ты должен мало ходить и стоять. Должен много плавать. Тогда выдержишь. У Дональбайна было много времени. У тебя его меньше: сорок дней, может быть, пятьдесят. И уж никак не больше пятидесяти пяти. После них – целых полгода. На это время тебе лучше уехать на твою Терру. Или уйти, так? Вы ведь не уезжаете и не улетаете, вы уходите… Но самое главное случится скоро…

Валентин, собиравшийся деликатно, но твердо поставить болтливую туземку на место, насторожился.

– Что – главное?

– Как что? – удивилась Астра. – Запуск, конечно. Катапульта почти готова. Я принесла свежие снимки, потом посмотришь. А через пятьдесят дней начнется сезон ураганов. В районе Клоаки Сатаны ураганы обычно начинаются раньше, чем в столице, так? У нас – дней через шестьдесят, у них – через пятьдесят. Может быть, через сорок. Может быть, через пятьдесят пять, но не позже. Никогда позже не бывало. Потом придет первый ураган. Сильный ветер, очень сильный. Нельзя пускать ракету. Нельзя работать, нельзя ходить, надо прятаться. Надо ждать полгода, потом чинить катапульту, долго чинить…

И Валентин сразу раздумал осаживать Астру.

– Следовательно, наш запас по времени – максимум пятьдесят пять дней, но, вероятно, меньше? Причем имеются в виду здешние дни?

– Совершенно верно, – с удовольствием сказала Астра.

– Чему ты так радуешься? – Валентин тоже решил общаться с нею на «ты». Так будет естественнее, а естественность здесь, судя по всему, в цене.

– Радуюсь, что ты так быстро понял. А еще тому, что ждать мне недолго. Ты сделаешь свою работу, а я получу свою награду, так? Дональбайн говорил, что мое место не на Дне, а на Терре. Ты ведь тоже так скажешь?

Ах, вот она о чем…

Дональбайн ни словом не обмолвился Валентину о своем обещании наградить Астру иммиграцией. Возможно, такого обещания и не было. Но почему бы и не похлопотать за толкового агента? Все будет зависеть от результата.

А интересно, есть ли на Дне хоть один туземец, не мечтающий убраться с родимой планеты навсегда?

Наверняка есть. Их даже много – тех, кто привык прозябать, кто согбен навеки тяжестью планеты и видимым отсутствием перспективы. Тех, кто ничего для себя не ждет. На них нельзя ставить, и никто на них, планктонную мелюзгу, не ставит. Полезны туземцы с амбициями, способные на мечту – хотя бы одну-единственную.

Весьма полезная для Терры мечта…

– Тяжело тебе на Дне? – спросил Валентин.

– Мне легче, чем тебе. – В зеленых глазах туземки мелькнула смешинка, но сразу погасла. – Но мне тяжелее, чем другим, так? Взгляни на меня, я ведь водянка.

– Кто? – Никаких признаков водянки в теле мускулистой нимфы Валентин не заметил.

– Значит, Дональбайн не сказал тебе? Далеко, очень далеко отсюда в океане лежат острова, много островов. Так? Целый большой архипелаг. Много мелких бухт, мало крупных хищников. Там жили водяне – мой народ. Моя мать, и моя бабушка, и прабабушка, и пра-пра-пра-пра-пра… все они жили морем. Мелкие лагуны безопасны. Мой отец ловил моллюсков в проливе Длинных Змей, и его отец тоже, и мой прадед, и пра-пра-пра-пра-пра… Наш народ был не таким, как эти сухопутные. Отец – он был почти с тебя ростом, так? Водяне почти не выбирались на сушу. Мелкие лагуны безопасны, наши люди жили в воде, любились и рожали в воде. Даже спали в воде у берега, положив голову на песок. Однажды – это было в конце сезона ураганов – затряслась земля. Многие острова погрузились в море, на многих островах пробудились вулканы, а потом с моря пришла большая волна. Как раз в тот день бушевал особенно сильный ураган. Уцелевшие пытались спастись на горах, цеплялись за выступы скал, их уносило ветром. Тех немногих, кто спасся, маленькие люди с материка вывезли к себе на дирижаблях… потом, когда ураганы кончились. Это случилось, когда я была еще совсем девчонкой. С тех пор я живу среди сухопутных донников, выучилась, поступила на службу, пробилась, переехала в столицу, пользуюсь влиянием, но… – Голос Астры задрожал.

– Но? – спросил Валентин.

– Посмотри на меня. Видишь? А теперь представь рядом со мной обыкновенного нормального донника. Понимаешь?

Валентин принял глубокомысленный вид и не ответил.

– Да я же в их глазах урод! – крикнула Астра, с размаху стукнув кулаком по воде. – Я на полторы головы выше самой высокой сухопутной женщины, так? Здоровенная, тяжелая, быстро устающая, а главное – редкостная уродина! Кому здесь нужна такая?

Ее глаза блестели – то ли от попавшей воды, то ли от слез.

Глава 5
Старый облезлый лис

– Очень даже возможно, – бубнил Леонардо Квай. – Донники – они такие. У них свои вкусы. Для них Астра, конечно, уродина, а по мне – ничего так… Мышц только многовато, фигура не очень, а в общем ничего, пикантно даже… Водяне? Не слыхал. Но тоже возможно. Здесь и не то возможно. Хотя какая нам разница, если от их народа почти никого не осталось? Не Терра же в этом виновата…

– А кто виноват? – хмыкнул Валентин.

Квай был категоричен:

– Пусть винят своих предков – на черта им сдался Трон Аида? Мигрировали бы не сюда, а на пристойную планету – горя бы не знали.

– Перестаньте экономить мышление. Возможно, у них не было выбора… Зато они никогда не боялись оккупации. Тот, кому придет в голову ввести сюда оккупационные войска, очень скоро об этом пожалеет. Потому-то Дно – доминион, а не колония.

– С нормальной планетой они давно стали бы полноправными членами Лиги, – проворчал Квай.

– Они? – хохотнул Валентин. – Этот паноптикум дураков?

– Может, их предки не были такими уж дураками…

– Думаете, умные люди выберут себе для жизни такую планету?

Спор был бессмысленным: об интеллекте первопоселенцев Дна ничего не могли сказать даже самые древние документы. Да и какая разница? Ведь дело приходится иметь отнюдь не с предками нынешних коротышек. И тут оставались непонятные моменты.

В течение нескольких дней Валентин имел контакты с четырнадцатью агентами. Почти все они были бестолковы, на редкость беспечны и попросту глупы. Выгодно выделялась Астра, но ведь она была водянкой… Тем не менее в руках Валентина собралось немало доказательств, чтобы выложить их перед премьером и потребовать объяснений. Надавить, припугнуть – это уж как водится. В успехе Валентин не сомневался.

Смущало то, что тупоголовые туземцы все-таки сумели построить космическую ракету и электромагнитную катапульту для нее. Где они набрали столько толковых ученых, инженеров, техников и рабочих – загадка… Неужели прочесали все население Дна, придирчиво отбирая одного из тысячи?

Вряд ли это осуществимо на практике.

Пришла в голову и совсем уж безумная мысль: нет ли на Дне еще одних Врат, тайно установленных землянами или униатами? Это многое объяснило бы: и подозрительный технический скачок туземцев, и их внезапную решимость добиться независимости…

Конечно, этого не могло быть. Колебания подпространственных полей выдали бы незаконный нуль-канал с головой. Любой бы сказал: ни Империя землян, ни тем более Уния не пойдут на столь вопиющее, чреватое войной нарушение Фомальгаутского договора. Через десятилетия – может быть. Но пока это не в их интересах.

Каждый день на территорию торгпредства въезжала грузовая механическая черепаха. Туземцы вручную стаскивали с нее ящики и с натугой грузили их на ленту транспортера. Чиновник проверял груз и направлял его к Вратам. Валентин дважды проследил за ним издали и один раз сам принял участие в процедуре. Как и следовало ожидать, самый придирчивый осмотр не выявил в сверкающей россыпи экспортных алмазов никаких следов контрабанды и никаких замаскированных контейнеров с тайной перепиской. Грузы, идущие с Терры, проверить было сложнее, но Валентин был процентов на девяносто уверен в том, что там все чисто.

Нет, туземцы не получали чужих космических технологий. Против них с той стороны Врат вся мощь контрразведки Терры…

Решение не давалось. Оно придет, в том Валентин не сомневался, но лучше раньше, чем позже.

По его просьбе торгпред пригласил премьер-министра. Тот прислал с курьером обширную, изобилующую словесной трухой и орфографическими ошибками бумагу, где многословно извинялся, что не сможет прибыть по причине межпозвоночной грыжи, и приглашал торгпреда к себе в резиденцию. Прочитав послание, торгпред весело рассмеялся:

– Заважничал. Держу пари, нет у него никакой грыжи. Те туземцы, у кого могла быть грыжа, вымерли здесь естественным путем еще поколений сто назад… Вы примете приглашение?

– Оно адресовано вам, – напомнил Валентин.

– Адресовано мне, а пойдете вы. – От торгпреда пахло спиртным. – Меня Лис уже знает, приспособился. Кроме того, ему прекрасно известна позиция Терры. Лучше надавите на него вы. Дайте ему понять, что Терра ни при каких условиях не допустит независимости Дна. Пригрозите, запугайте. Умеете ведь?

– Учился, – сухо ответил Валентин.

Он делал вид, что отказ торгпреда ставит его в нелегкое положение. На самом деле все было в точности наоборот. Он, Валентин Прямухин, третий секретарь торгпредства, сделает всю работу сам – и сам же пожнет все полагающиеся лавры. Он позаботится, чтобы никто другой не приписал победу себе. Пегий Удав поморщится, покряхтит и все же будет вынужден двинуть его на новую ступень.

А торгпред, лодырь и пьяница, пусть себе отмокает в бассейне.

Резиденция премьера превосходила прочие столичные строения лишь размерами, но больше вширь, чем ввысь. Она смахивала на выпуклую шляпку титанического гвоздя, до отказа вбитого в планету. Никакой тайфун не сдвинул бы это приземистое сооружение и на волосок.

Премьер-министр принял Валентина не в бассейне, а в спальне. Он лежал в гель-кровати, выставив из-под невесомого одеяла остренький серый носик и невеликий череп, покрытый клочковатым пухом вместо волос. Время от времени премьер издавал слабый стон. Валентин героически покинул экзоскелет.

Так было надо. Пусть симулирующий подонок проникнется силой духа посланцев Терры – проникнется и ужаснется.

Навалилась тяжесть, суматошно заколотилось сердце, стало трудно дышать. Изо всех сил стараясь двигаться непринужденно, Валентин втиснулся в маленькое, на туземца рассчитанное кресло. Стало чуть легче. Лишь кресло жалобно скрипело под непривычной тяжестью.

Премьера звали Лис – все равно никто не мог выговорить его туземное имя. К счастью, этого и не требовалось: «господин премьер-министр» – более чем законное обращение в дипломатических переговорах. Сухо поздоровавшись и выразив надежду, что болезнь премьера не опасна, Валентин сразу взял быка за рога. Вот снимки катапульты. Вот снимки сборочных цехов на фоне западного склона Клоаки Сатаны. Вот схемы подъездных путей. Вот копии документов, свидетельствующих о перемещении грузов вполне определенного назначения. Вот копии сборочных чертежей ракеты-носителя. Терра требует объяснений, господин премьер-министр. И немедленно.

Явившийся на слабый зов премьера секретарь, подобострастно изогнувшись, – легко на Дне гнуться тощему недомерку! – держал перед свинячьими глазками Лиса каждый документ по очереди. Просмотр тянулся нескончаемо долго.

Валентин терпел. Минуте на пятой ожидания он понял, чего добивается Лис. Не дождется. Облезлый премьер дерьмовой планеты не увидит, как эмиссар Терры побагровеет

и прерывающимся сиплым голосом попросится в бассейн или в гель-капсулу. Эмиссар выдержит. Тренировки не прошли даром.

Пришлось терпеть целый час – и Валентин вытерпел, хотя ему не раз казалось, что лицо его вот-вот стечет к подбородку. Наконец Лис знаком дал понять секретарю, что можно убрать документы, и очень тихо забормотал что-то.

– Господин премьер-министр говорит, что правительственная комиссия, расследовавшая по просьбе Терры деятельность консорциума «Чистое небо», пришла к определенному заключению. Упомянутый консорциум, специализирующийся большей частью на разработке средств воздушного сообщения, действительно ведет изыскательские работы, связанные с изучением возможности влиять на климат. Для этого действительно разрабатываются метеорологические ракеты, но…

– Терру не интересуют ваши метеорологические ракеты, – бесцеремонно перебил секретаря Валентин. – Вам хорошо известно, что интересует Терру. Катапульта на склоне Клоаки Сатаны построена не для метеорологических ракет. Предупреждаю: если дело зайдет слишком далеко, Терра будет вынуждена принять самые решительные меры. Не думаю, что они понравятся вам, господин премьер-министр.

Лис опять что-то зашептал.

– Господин премьер-министр выражает сожаление, что ему приходится принимать вас в столь плачевном виде, – перевел секретарь. – В настоящее время господину премьер-министру предписан строжайший постельный режим. Ему нельзя шевелиться, ему больно даже разговаривать. Господин премьер-министр нижайше просит извинить его. Что касается выводов, сделанных правительственной комиссией, то, коль скоро Терра ставит под сомнение их полноту и объективность, деятельность комиссии может быть возобновлена…

– Может быть возобновлена – или будет возобновлена? – злобно осведомился Валентин.

– Решение об этом будет принято на днях…

– Превосходно, – с деланым облегчением сказал Валентин. – Мне остается только умыть руки. Правительство планеты не желает знать, чем помимо дирижаблей и разгона облаков занимается консорциум «Чистое небо». Господин премьер-министр не интересуется деятельностью консорциума, где в совете директоров сидит его зять. Он предпочитает хворать грыжей. Недели через две комиссия, возможно, будет создана, еще через неделю-другую она приступит к работе и начнет, разумеется, с проверки периферийных предприятий, а тем временем катапульта без помех со стороны правительства выплюнет в космос ракету… Превосходно! Моя задача сильно упрощается. Господин премьер-министр, вы слушаете?

Закрыв глаза, Лис пребывал в неподвижности. Секретарь склонил к нему ухо, слушал дыхание.

– Господин премьер-министр в глубоком обмороке, – скорбно сообщил он. – Простите, он очень, очень болен… Но господин секретарь торгпредства может сообщить мне все, что предназначено премьер-министру. Как только он придет в себя, я сообщу ему все, о чем вы пожелаете упомянуть.

– Тогда сообщите ему, что я буду ждать сутки. Не сутки Терры – ваши сутки. Если за это время ко мне не поступит сообщение о том, что комиссия возобновила работу, Терра начнет предпринимать ответные шаги. Если таковая информация ко мне поступит, я буду ждать еще пять суток – опять-таки суток Дна – информации о полном прекращении работ по выводу спутника в космос. Причем информация должна быть доказательной. Меня убедят работы по демонтажу катапульты и уничтожение ракет-носителей. На этих – только на этих – условиях я гарантирую невмешательство Терры во внутренние дела Дна. У вас хорошая память или надо повторить?

Секретарь только моргал.

– Мне кажется, это диктат, – промямлил он наконец.

– Вам правильно кажется, – презрительно бросил Валентин.

– Мне также кажется, что это угроза…

– Причем более чем реальная. – Весь в поту, Валентин с усилием выбрался из кресла. – Не забудьте передать мои слова премьеру. И всего вам доброго.

Залезть в гель-капсулу экзоскелета оказалось делом трудным. Валентин неслышно скрипел зубами, напрягал все мускулы, вспотел до соленых ручьев по коже – и залез. Теперь он возвышался над ничтожными туземцами, как древний бог, и бог недобрый. Одним движением механической руки он мог схватить любого местного карлика и шмякнуть его хоть о пол, хоть о потолок – только брызги полетят.

И секретарь это почувствовал. И без того лилипут, он стал еще меньше ростом, а светло-серые тона его личика превратились в темно-серые.

Разумеется, он забормотал слова о крайнем сожалении, о прискорбном непонимании и о твердом намерении господина премьер-министра в скорейшем времени уладить дело к полному удовлетворению Терры… Наверное, он и сам не прочь был временно отключиться, как премьер, но секретарям премьеров падать в обмороки не дозволяется. Гладко обработанные фразы, похожие на никчемные речные окатыши, так и сыпались на Валентина. Любой первокурсник Академии межзвездных отношений на Терре знал цену подобной риторике.

– Постойте! – взмолился лилипут, увидев, что Валентин направился к выходу. – Господин премьер-министр намеревался показать вам свою коллекцию редкостей нашей планеты, своего рода домашний музей…

– Меня ждут дела, – бросил Валентин через плечо.

– Прошу вас, пожалуйста! Это не займет много времени. Господин премьер-министр не простит мне, если я не исполню его желание! Я с удовольствием буду вашим гидом…

– Что ж, будь по-вашему. – Валентин внезапно изменил намерение. Почему бы не воспользоваться случаем узнать нечто новое о премьере, да и о планете тоже. – Только поскорее.

Пятясь, секретарь кланялся: сюда, мол, пожалуйста, нижайше прошу сделать одолжение… Раболепие туземцев на отсталых планетах вошло в поговорку. Работая до сей поры в более развитых мирах, Валентин не встречал такой модели поведения со времен психологических тренингов в Академии. Некоторые студенты брезгливо морщились, другие чрезвычайно наслаждались добровольным унижением оппонента. Валентин предпочитал высокомерное презрение.

Жужжа сервомоторами, он проследовал сквозь небольшую анфиладу из трех комнат. В четвертой, очень большой даже по меркам Терры, и впрямь оказался частный музей.

Секретарь допятился до ближайшей витрины и затараторил. История освоения Дна нисколько не интересовала Валентина. Стоп, хватит. Что там дальше – зоология?

Ряды чучел мелких зверьков скалились с многочисленных стеллажей. Чучела и скелеты более крупных местных тварей теснились на полу, занимая добрую половину музея. О некоторых Валентин знал из изученных материалов, в одной крылатой и весьма зубастой дряни опознал ту тварь, что на его глазах прямо над столицей подбила зенитка, но много, очень много оскаленных морд видел впервые. Один череп поразил воображение. Он был размером с небольшой танк, в пустые глазницы мог бы пролезть средней упитанности человек, а клыки длиной в руку годились, наверное, для разделки совсем уж титанических монстров.

Последнее предположение оказалось верным. Валентин никак не мог понять, что за странный неровный круг диаметром с туннель подземки вделан в дальнюю стену.

– Позвонок мегаихтиоцетоса, – с готовностью пояснил секретарь, уловив невысказанный вопрос гостя.

– Китообразное? – снизошел до разговора Валентин.

– Двоякодышащее. Довольно крупный экземпляр, хотя и не рекордный… Однако не угодно ли господину пройти к витринам с минеральными богатствами Дна?

Валентину было угодно. И тут его ждало потрясение: мало сведущий в геологии, он и представить себе не мог, какие минеральные богатства может таить в своих недрах тектонически активная планета с массой Дна. Секретарь включил подсветку, и Валентин временно ослеп. Секретарь открыл витрину, и в руке Валентина оказался сверкающий необработанный камень. Судя по его размерам и гудению сервомоторов правой руки – весьма увесистый. Притом совершенно прозрачный, а по форме – правильный октаэдр.

– Алмаз? – не веря глазам, проговорил Валентин.

– Тоже не рекордный, однако довольно крупный и, прошу заметить, чистейшей воды и притом розового оттенка. Шесть тысяч триста карат. Не каждый год у нас добываются подобные экземпляры.

Наверное, и не каждое столетие, подумал Валентин. Буквально вчера он сам погружал руки по локоть в россыпи предназначенных к отправке на Терру алмазов, но то были экземпляры размером с ноготь и большей частью мутноватые. Этот же – феноменален! В императорские скипетры вставлять такие камни. И скипетр будет смахивать на боевую палицу…

Ослепленный и ошарашенный, Валентин все же взял себя в руки, когда секретарь, кланяясь, произнес:

– Господин премьер-министр будет признателен, если господин возьмет этот ничтожный камень на память о встрече. Пожалуйста.

– Взятка? – Валентин ждал чего-то подобного. Не думал только, что туземцы окажутся столь неумелыми взяткодателями. Неужели понадеялись на размер, вес и завораживающий блеск камня?

– Ни в коем случае! – Секретарь замотал головой и расширил глаза в деланом ужасе: как, мол, можно подумать такое? – Просто знак внимания. На добрую память. Пожалуйста.

Видеозапись? Не исключено. Неужели будет попытка шантажа? Наивно и нелепо, но не лишено некоторого интереса. Просто как разнообразие.

– Передайте господину премьер-министру, что добрую память о встрече с ним я сохраню навечно и без… посторонних предметов, – холодно ответил Валентин, возвращая алмаз на витрину. – И учтите, что если подобное повторится еще раз, я размозжу вам череп этой штуковиной. Тогда вы, возможно, станете первым человеком, кого пришибли алмазом.

Вполне ли человеком? Можно ли донников считать людьми в полном смысле этого слова? Скорее нет, чем да. Впрочем, подобные терминологические тонкости мало интересовали Валентина, покидающего резиденцию премьера.

Он еще не выиграл партию, но навязал свою игру.

Глава 6
Выбор

Один плюс пять – шесть. Шесть суток Дна – трое суток Терры. Агентурная информация давала стопроцентную уверенность: за трое суток туземцы не смогут подготовить и осуществить космический запуск. Для этого им нужно минимум десять дней, причем в течение этого времени все службы должны функционировать безотказно, как тщательно отлаженный и хорошо смазанный механизм, стихийные бедствия должны повременить мешать работе и перевозкам, а все местные дураки – впасть в летаргию. Ни первого, ни второго, ни третьего в ближайшем тысячелетии на Дне не предвидится.

Да что еще за ракету они там спроектировали? Полетит ли она вообще – или просто разнесет вдребезги стартовый комплекс? Копии добытых чертежей ушли на Терру для анализа и вернулись с экспертным заключением: конструкция в принципе работоспособна. До крайности архаичная, работающая на жидком химическом топливе, она изрядно насмешила экспертов, но и встревожила их. Надо же. Не зря говорят, что и палка иногда стреляет. И все равно – мало спроектировать ракету, надо еще изготовить сотни тысяч ее деталей и правильно их собрать. Достаточно далекий от техники, Валентин прекрасно знал универсальный закон, применимый и к технике, и к науке, и к менеджменту, и вообще к чему угодно: ни в каком принципиально новом деле не обходится без накладок и ЧП. Особенно в таком сложном.

Эрго: в десять дней туземцы с работой не управятся. Скорее всего не управятся и в двадцать. А через пятьдесят… нет, уже через сорок пять местных суток начнется сезон ураганов. Это в среднем, а вообще-то он может начаться и немного раньше. Значит, наиболее вероятный срок запуска – от тридцати до сорока местных суток, считая от настоящего момента, причем скорее сорок, чем тридцать. Времени более чем достаточно.

Однако не стоило давать Лису больше времени, чем было дано. С дикарями надо быть твердым, поблажки их балуют и развращают. Только дай слабину – наплачешься, причем в самом скором времени. Если уж бросать им подачку, то рукой в стальной перчатке, усаженной легированными шипами.

Так и было сделано. Шесть дней на ответ – это подачка, брошенная правильно экипированной рукой. Лис, наверное, надеялся выторговать все сорок дней, да только зря. Неужели он настолько глуп, что не понимает, с какой силой связался?

А похоже на то! Повторяется вечная история: слабый надеется перехитрить сильного. Но будь Лис не только хитер, но и умен, он не стал бы и браться за это дело. Попытался всучить взятку! Даже удивительно. Неужели он считает себя персоной, способной купить дипломата Терры или хотя бы состряпать грамотный компромат на него? Это самомнение.

Ладно, больше он так не считает. Но что он придумает теперь? Сдастся ли сразу?

Сомнительно. Наверное, предпочтет побороться.

То, что он связан с «Чистым небом» и космическим проектом, – понятно и кретину. Вопрос: насколько тесно связан? Жизненно ли ему необходим этот запуск?

Пока неясно. А надо, чтобы было ясно. И чем скорее, тем лучше.

Валентин мрачно проковылял к зеркалу. Оттуда на него уставилось чужое лицо, оплывшее книзу, как огарок. Болели все суставы, тупо ныл позвоночник. Сорок донных суток, двадцать с хвостиком суток Терры… Надо выдержать. Надо.

Хуже всего было то, что он еще не решил, как будет действовать. Проще всего было не допустить запуска вообще, осторожно вмешиваясь там и сям. Саботаж – эффективная тактика. Нетрудно учинить бардак со снабжением, нетрудно подсунуть партию бракованных деталей, и обойдется это недорого… вот только по окончании сезона ураганов туземцы вновь вернутся к своей наглой затее. Они вновь отремонтируют катапульту, как делали это уже не раз. И через

полгода кто-нибудь другой будет решать – и решит! – ту же проблему, которую он, Валентин Прямухин, лишь отложил на будущее, не сумев решить сам.

Да, это сделает уже кто-то другой… Валентин не был настолько самонадеян, чтобы воображать, будто он способен продержаться здесь полгода. С усилием подняв руку, он потрогал набрякшие мешки под глазами. Он пробыл на Дне всего ничего, а что будет через полгода? Мешки начнут свисать вроде сталактитов и бить по щекам при ходьбе?

Но главное – Пегий Удав известен тем, что ценит полный, стопроцентный успех, а успех половинный считает халтурой. Удав не умеет заглатывать половину кролика, ему нужен целый кролик. Так уж удав устроен и по-своему прав.

Очень хорошим решением было бы натравить на туземный проект местную оппозицию, подкормив ее лидеров и убедив их не стесняться в средствах. Удав легко дал бы санкцию – беда была в том, что никаких признаков серьезной оппозиции существующему правительству на Дне не просматривалось, а «несерьезную» как раз поддерживал консорциум «Чистое небо». Радикальной же оппозиции не было и в помине. О том же твердил и Дональбайн. Туземцы, брюзжал он, инертны именно потому, что тупы. Что им политика? А главное, при всей тупости они нутром чуют, что никакая оппозиция, придя к власти, не улучшит и не ухудшит их жизнь. Качество – если можно говорить о качестве – их жизни определяется планетой, а не политикой…

Итак, ставка на оппозицию невозможна. В таком случае что может разрушить к чертовой матери катапульту, сборочные цеха и вообще все, что туземцы понастроили у подножия вулкана?

Извержение?

На трехмерной картинке, изображающей Клоаку Сатаны, не была показана катапульта, но Валентин знал, где она построена. Вот здесь, на западном склоне, на древнем лавовом потоке, покрытом нетолстым слоем туфа. Достаточно надежное основание для любой конструкции – по меркам Дна, конечно…

Вулкан не засыпал никогда. Иногда главный кратер по нескольку лет лишь слабо курился, но через неравные промежутки времени он приходил в буйство, фонтанируя лавой столь усердно, что лавовые потоки не успевали остыть, как на них уже изливались новые порции жидкого базальта. Изливаться с западной стороны им мешал вал – уцелевшая часть конуса древнего вулкана, обрушившегося в незапамятные времена. Туннель катапульты кончался практически на гребне вала.

Все-таки приходилось признать, что не все туземцы ослы, – место было выбрано грамотно.

Впрочем, был ли у них иной выбор?

Больше всего на свете Валентину хотелось, чтобы какой-нибудь катаклизм уничтожил западный вал задолго до появления на Дне первых людей. Если бы это случилось, туземцы не предались бы дурацким мечтаниям о космических запусках, а специалисту по развитым планетам не пришлось бы страдать здесь под бременем собственного веса. Увы, дипломатия – это искусство возможного. Что толку мечтать о том, чего не случилось?

В принципе выход был: уронить в кратер бомбу мегатонн этак в десять. Нельзя… То есть можно, но лишь на самый крайний случай. Такую операцию втайне не провернешь. Пегий Удав прав: Терра должна остаться как бы ни при чем, незачем озлоблять донников. Притом глупо бить дубиной по голове тех, кого можно просто переиграть.

Нажим – это уж обязательно. Возможно, Лис испугается и даст команду прекратить все работы?

Но со временем они могут быть возобновлены. Планета велика и неблагоприятна, на ней можно спрятать что угодно, контроль затруднен. Да и не очень-то похоже, что Лис испугался.

Он стар, а не все старики мечтают пожить еще хоть сколько-нибудь. Есть среди них и те, кто готов променять малый остаток жизни на «великую цель». Эти – самые опасные.

Да, но устранение Лиса не решит проблему. Кто конкретно в «Чистом небе» занимается проектом запуска, оставалось неизвестным. Агентура пока не дала сведений на этот счет. По-видимому, эта информация хранилась туземцами в глубочайшей тайне. Не уничтожать же всю верхушку консорциума…

Искать выход на руководство проекта – вот что требовалось немедленно. И агентура уже получила соответствующее задание. Узнать – кто. Выйдя на голубчика – припугнуть, купить, шантажировать. Окажется тверд – убрать и иметь дело с его преемником. В подобных случаях преемники обычно ведут себя разумно.

Этот путь к достижению цели выглядел самым эффективным. К сожалению, он пока был закрыт. Откроется – замечательно! Но Валентин не собирался ждать.

Оставалась лишь диверсия – тоже вполне разумный путь. Мешало отсутствие технических знаний. Вместе с копиями чертежей Валентин отправил на Терру соответствующий запрос – эксперты пожаловались на неполноту данных, но обещали помочь.

Однако пока молчали.

На пятый день прибыл секретарь Лиса. Сукина сына пришлось принять не в бассейне, а в малой гостиной торгпредства, специально для таких случаев оборудованной мягчайшими креслами. Секретарь долго отказывался сесть, униженно кланялся, бормотал раболепные витиеватости и наконец сообщил главное.

Премьер-министр тяжко болен и находится на лечении в правительственном госпитале. Однако и оттуда он продолжает управлять делами Терры. В частности – распорядился вновь собрать комиссию по расследованию деятельности консорциума «Чистое небо». Уже завтра состоится инспекционный полет к Клоаке Сатаны. Если господам с Терры угодно, они могут принять участие…

Господам с Терры было угодно. Выпроводив туземца, Валентин тут же вызвал Леонардо Квая.

– Вы полетите со мной, – приказал он, обрисовав ситуацию.

Квай похмыкал. Почесал в рыжей шевелюре.

– Что-нибудь непонятно? – осведомился Валентин.

– Нет, отчего же… Все понятно: опять полет. Было уже два полета… Полагаю, вы не считаете меня трусом. Я, конечно, полечу с вами. Просто у меня нет уверенности, что мы долетим до этой самой Клоаки Сатаны, а если все-таки долетим, то увидим ли что-нибудь кроме вулканического жерла в не очень приятный момент падения в него? А если туземцы все-таки покажут нам то, что нас интересует, где гарантия, что мы благополучно вернемся обратно?

– Боитесь? – спросил Валентин.

– Конечно, боюсь, – не стал отпираться Квай. – Но полечу.

– Я дал знать на Терру, – сказал Валентин. – Я дал понять этому секретаришке премьера, что любой приключившийся с нами несчастный случай будет расценен как коварное и ничем не оправданное убийство лиц, обладающих дипломатической неприкосновенностью, и поведет к открытому вмешательству Терры в дела Дна. Туземцы с нас пылинки сдувать будут. Наконец, с нами летит вся комиссия в полном составе – двенадцать местных лилипутов. Публика влиятельная, вряд ли ею пожертвуют.

Квай чесал затылок. Кажется, он не был убежден.

– Дно – тяжелая планета, во всех смыслах тяжелая, – проговорил он. – На Терре это хорошо известно. Я бы посоветовал вам не расслабляться. Туземцы способны на любую пакость. Здесь слишком легко списать убийство на несчастный случай, а потом, естественно, выразить бездну сожаления. Полагаю, перед командировкой на Дно вы привели свои дела в порядок?

– Конечно.

– Я тоже. Значит, нам остается только не зевать. Возьмите оружие, я тоже возьму. Бластер модели «Аргумент» – то, что надо. Хотя и он вряд ли поможет… Между прочим, вы не заметили повышенной активности туземцев близ торгпредства?

– Каких туземцев? – спросил Валентин.

– Самых обыкновенных. Горожан. Раньше они шли мимо, мы их не слишком интересовали, а теперь – собираются кучками, молчат, смотрят на наше здание… Ведут себя тихо – пока. Ставлю три к одному, тут что-то готовится. Не сегодня, не завтра, но через несколько дней – все возможно…

– Попытка штурма Врат? – опешил Валентин. – Что это им даст?

– А если не попытка штурма, а попытка блокады?

Валентин задумался. Самому захотелось почесать в голове, но лень было шевельнуть неподъемной рукой. В словах Квая был смысл.

Глава 7
Клоака Сатаны

Дирижабль смахивал не на сигару, а на веретено – острое рыло легче раздвигало кисель воздуха. По меркам Дна воздушное судно было небольшим, по меркам же Терры – совсем крошечным, меньше ста шагов в длину.

Тем не менее оно не страдало недостатком грузоподъемности. В узкой и длинной, как подлодка, гондоле уместились не только Валентин, Квай и десяток членов правительственной комиссии, но и парочка лакеев, грузовой отсек ломился от багажа и припасов, а экипаж дирижабля помимо пилотов, мотористов и стюарда включал в себя метеоролога и нескольких бортстрелков. Передняя часть пассажирской гондолы плавно переходила в прозрачную вращающуюся башенку, хищно выставившую тонкие стволы скорострельных орудий, сзади было то же самое, и еще несколько огневых точек, управляемых дистанционно, размещалось на спине летающего веретена. Собственное имя воздушного судна пришло из невообразимой древности: «Не тронь меня!»

«Не тронь меня, мне и без того страшно», – мысленно дополнил Валентин, отметив про себя, что ирония выходит мрачноватая. Гм, а какой же ей еще быть?..

Ему предстояло провести в гондоле не менее шести суток, считая и обратный путь. Ни бассейна, ни ванны, ни даже кадушки с водой на борту. Лишь мягкие кресла и сомнительные портативные гель-коконы. Туземцам-то что – они все как один жилистые и в весе мухи. Выдержат легко. А человек с нормальной планеты?

Надо выдержать. Валентин настроился на серьезное испытание. Не так уж долго Дно жевало и плющило его, чтобы он сломался, плюнув на все. Вот Кваю хуже, он торчит на Дне почти год, ему остался лишь месяц, он считает дни, зато он невысокий и худой, легче раза в полтора. Выдержит.

Было приятно, что Квай, заведомо не пришедший в восторг от перспективы провести шесть дней вне бассейна, не стал изобретать причины, чтобы не лететь. Если и дальше будет держаться молодцом, надо будет потом похвалить его в отчете…

Первые часы дирижабль сопровождали боевые самолеты, но нападения крылатых тварей не последовало, и эскорт отстал. Однако стрелки по-прежнему сидели в прозрачных башенках, прилежно вертя головами во все стороны. Едва различимые, как сквозь мутное стекло, медленно плыли внизу поля, селения, заводы с низкими, прилежно дымящими трубами, ниточки дорог, карликовые местные леса. То и дело ландшафт рассекали похожие на рубцы линии старых и новых тектонических разломов. Проявилось из мути и долго-долго – так, что надоело смотреть – маячило зеркало колоссальной реки.

Внезапно большой участок берега задрожал, начал ходить волнами, растрескался и сполз в реку. Квай тыкал пальцем: смотрите, мол, землетрясение.

– Мелкофокусное, локальное, – уточнил он, когда внизу все кончилось.

– А шаткий трон у Аида, – пошутил Валентин. – Этой планете просто нравится трястись.

Он ожидал, что Квай хотя бы прыснет, но тот лишь вздохнул очень серьезно и сказал:

– Что есть, то есть, нравится. Тут недавно на окраине столицы туземцы построили стадион, большой такой. Легкая атлетика. Понятно, тяжелая на Дне даже донникам не по силам. Так в прошлом году стадион хоп – и провалился. Совсем. И трясло-то не слишком сильно, баллов на девять всего…

К этому следовало привыкнуть. Девятибалльное землетрясение – не слишком сильное? Ну-ну.

– Неужели они не нашли для столицы менее опасное место? – спросил Валентин.

И не слишком удивился, когда Квай ответил:

– Это лучшее.

Когда начались горы, дирижабль поднялся выше. Земля перестала быть видна, а небо осталось таким, как было – беспросветно серым. Начало потряхивать. Второй пилот спустился к пассажирам и объявил, что командир ищет попутный воздушный поток. Нашел он его или нет, так и осталось неизвестным: никаких надписей касательно скорости судна на табло не зажглось, поскольку табло вообще отсутствовало. Ламинарная серая муть за иллюминаторами пассажирской гондолы сменялась турбулентной, клубящейся, потом наоборот – вот и все разнообразие. Однако моторы гудели ровно, а туземцы увлеченно болтали о пустяках, не испытывая никакого ужаса.

Квай спал. Рыжий живчик вызывал симпатию с ноткой ревности. Валентин сознавал свой промах: он сам должен был вычислить возможность нападения туземцев на Врата. В затеянной Лисом – или кем-то повыше – шахматной партии он, Валентин, еще не видел всей доски. При всей своей экономии мышления Квай видел больше и дальше. Лис – или, скорее, некто более влиятельный, предпочитающий держаться в тени, – повел рискованную игру, игру потуземному подлую, но в принципе неглупую. Гостей с Терры задерживают на космодроме под любым предлогом или вовсе без оного, а в это время науськанные туземными властями местные карлики берут штурмом торгпредство и выводят из строя аппаратуру Врат. Если что – власти ни в чем не виноваты, малочисленная полиция (а содержать многочисленную донникам не по карману) ничего не смогла поделать, демонстрируются расквашенные носы и подбитые глаза полицейских, выражается сожаление, приносятся извинения, и все такое прочее. Терра не сразу пошлет корабль, способный пробиться сквозь атмосферу Дна, туземцы выгадают время… За это бесценное для них время они могут успеть запустить свою ракету.

Могут хотя бы попытаться. Как видно, им очень хочется хотя бы совершить попытку.

Только она провалится с треском. Вчера на Терру ушло донесение. Охрана будет усилена.

Временами Валентин проваливался в сон. Ему снилось, что на него наваливают мешки с песком, их тяжесть нестерпима, мышцы бессильны расширить грудную клетку, дышать невозможно, сердце стучит, как автоматическая зенитка, вот-вот разорвется… и он просыпался в липком поту, с разинутым ртом и безумными глазами. Дирижабль как ни в чем не бывало продолжал полет – если можно назвать полетом продирание сквозь тягучий воздух. Валентин вновь засыпал, и на этот раз ему снилось, как его хоронят заживо, без гроба, с каждой секундой все сильнее придавливая сыплющейся с лопат рыхлой землей, и вот уже нет сил вздохнуть…

Один раз он проснулся не от кошмара, а от скрежета по обшивке гондолы. Тотчас оглушительно затявкали пушки, в салон проник запах пороховых газов. Но нападение – если это было нападение – тем и кончилось. Крылатая тварь исчезла в серой мгле, целая или подраненная – неизвестно.

Полулежать было еще терпимо. Сидеть – мучительно. Стоять – мучительно вдвойне. Посещение уборной требовало самоотверженности. Раздражали туземцы: члены комиссии непрерывно болтали о пустяках, а кто не болтал, тот громко храпел. На вторые сутки полета Валентин начал считать оставшиеся часы. Оставшиеся – до чего? На третьи сутки он был убежден, что туземцы завезут его подальше от Клоаки Сатаны и там бросят. Мучил лишь тупой, как мигрень, вопрос: высадят где-нибудь в горах на верную смерть – или просто выпихнут из гондолы? Второе милосерднее: несколько секунд ужаса – и блаженный финальный шмяк!

Но миновали и третьи сутки, и черная ночная мгла за иллюминатором стала серой. Над материком вставало невидимое солнце.

Бубнил в ухо Квай – зачем-то рассказывал о странной фауне Дна. О летающих рыбах и их биологических родственниках – подводных птицах. О волосатых рыбах и плавучих симбиотических колониях размером с большой остров. О стремительных тварях, вооруженных отравленными гарпунами. О загадочном племени совсем уже одичавших туземцев, якобы обитающих где-то на крайнем юге материка, и об их странной биологии, включающей в себя симбиоз

с местной дрянью и чуть ли не почкование. В этом племени, плел небылицы Квай, особенно умны беременные самки, поскольку в добавление к своему мозгу пользуются мозгом эмбриона. Как родят – сразу тупеют. Одна баба была вовсе гениальной, пока не родила шестерню. Тогда сразу стала идиоткой…

– Перестань, – попросил Валентин, перейдя на «ты». Нет, он не собирался уподобляться Пегому Удаву – просто Квай не заслуживал «выканья». Нашел время травить байки!

Заложило уши. Дирижабль шел вниз, а герметичность пассажирской гондолы оставляла желать лучшего. Внизу медленно проступало что-то похожее на ландшафт.

– Клоака Сатаны справа по борту! – с радостью кретина возвестил какой-то туземец.

Валентина уже мало интересовал вулкан, да и Квая, кажется, тоже. Мучительно хотелось погрузиться в бассейн или хотя бы упасть в мягкие объятия гель-кровати и провести в блаженстве сутки, не меньше. Пусть даже уполовиненные местные сутки.

Неудобство профессии дипломата состоит, однако, в том, что нельзя терять лицо. Никогда. Ни перед сильным противником, ни тем более перед слабым. Пришлось глядеть в иллюминатор, старательно изображая на лице заинтересованность.

Сквозь мутную пелену действительно было кое-что видно. Дирижабль обходил вулкан по большой дуге, держась вровень с гребнем слабо курящегося кратера. На восточном склоне тоже поднимались дымы – то ли из трещин, то ли от недавних лавовых потоков. И конечно же, конус вулкана был серым, как почти все объекты этой паршивейшей из планет, живые или неживые.

Серость и адская усталость, усталость и серость. Еще время от времени опасность для жизни и происки тех, для кого Дно – дом родной. Ну чем не каторга?

Только одним: старательно демонстрируемыми внешними признаками уважения к персоне гостя.

Кто скажет, что это маловажно? Но выглядит натуральной издевкой.

Дирижабль продолжал снижаться, и туземцы на борту веселились, как дети. Галдели, размахивали ручонками, чуть не бегали по салону вприпрыжку. У них явно не было никакой грыжи, ни межпозвоночной, ни пупочной, ни паховой. А мозговой грыжи, по мнению Валентина, у них не могло быть в принципе, поскольку для нее надо как минимум иметь мозг. У этих же – черт знает что такое, орган первобытной хитрости вместо думателя. Продукт эволюции. И черепные-то коробки у них маленькие…

Туземцы продолжали шумно радоваться окончанию полета. И это – члены комиссии по расследованию, имеющему чрезвычайное значение для всей планеты?!

Приходилось верить глазам и ушам: так оно и есть.

Вот-вот справа должна была открыться катапульта. И она открылась – тонкая, прилипшая к склону вулканического конуса плавно изогнутая линия. Издалека, да еще сквозь атмосферную муть, она смахивала на обыкновенный трубопровод. На фоне серой громады горы канал катапульты казался тоненьким и несерьезным. Вулкан доминировал, норовя изобразить маленьким и незначительным любое творение рук человеческих.

И все же дела человеческие были очень заметны.

– Мы поймали их, – тяжело дыша от натуги, зашептал на ухо Квай. – Глядите, вон сборочный цех, вон подъездные пути, вон электростанция, вон катапульта… даже будки электромагнитов видны. Я даже не ожидал такого успеха… Примите поздравления. Теперь-то туземным властям не отвертеться…

У Валентина не было такого ощущения. Да и Квай, как немедленно выяснилось, не впал в беспочвенную эйфорию. При всей экономии мышления он помнил о главном:

– Надо полагать, теперь основные события развернутся вокруг Врат…

– Я принял меры, – успокоил Валентин.

Глава 8
Дно – это Дно

Главного конструктора не пришлось долго разыскивать – он предстал по первому требованию. Это был тощий туземец ростом по грудь Валентину – долговязый по меркам донников и жилистый, как все обитатели этой нестерпимо тяжелой планеты. Голос он имел противно-писклявый, а совести, похоже, не имел в принципе.

– Вы же видели катапульту! – пищал он. – Все расчеты по ней были вам предоставлены. Нам нечего скрывать. Вы видели ракету. Скажите сами: может ли эта ракета выйти на высокую орбиту при заданной мощности электростанции и таких двигателях? Если не знаете, то я вам отвечу: в лучшем случае ракета поднимется на двести-триста километров. Я понимаю гостя с Терры: на его планете триста километров над поверхностью – это уже ближний космос, но я вынужден напомнить: мы находимся на Дне. Мы живем на этой планете и имеем дело с ее условиями. А условия эти таковы, что наш проект в принципе не может быть предназначен ни для чего, кроме задач метеорологии!..

Нахальный пискун изображал возмущение пополам с горькой обидой. Члены правительственной комиссии кивали и временами бросали на гостей с Терры укоризненные взгляды. Квай молча злился. Валентин же отринул злость как непродуктивную эмоцию и наслаждался спектаклем.

А когда прозвучали финальные аккорды насчет «прискорбного недоверия Терры к лояльным донникам» и в зале для заседаний воцарилась гробовая тишина, Валентин встал. Он не пользовался экзоскелетом, зная, что вытерпит какое-то время. Нормальной гель-кровати для высокого гостя на объекте не нашлось, бассейна для отдохновения тоже. Ночь Валентин провел в ванне, впрочем, достаточно вместительной, снабженной подогревом и специальным захватом для головы, чтобы не утонуть во сне. Это было лучше, чем те тощие гель-лежанки, которыми пользовались туземцы, и все же Валентин далеко не полностью восстановил силы. Но надо было показать туземным жуликам, кто чего стоит.

Болела шея, тупо ныл крестец, а мышцы ног, казалось, вот-вот сведет мучительной судорогой. Наплевать!.. Валентин ощущал веселую злость. Результат стоил того, чтобы потерпеть. Грязных лилипутов ожидал полный и неминуемый разгром.

Начав подчеркнуто вежливо, выразив удовлетворение растущим товарооборотом между Террой и Дном и заверив присутствующих, что Терра ни в коем случае не намерена вмешиваться в дела донников, касающиеся только Дна, Валентин нанес удар.

– …тем не менее правительство Терры, которое я здесь представляю, весьма обеспокоено ракетной программой консорциума «Чистое небо». Только что нам было заявлено, что мы своевременно получили всю информацию о проекте. С глубочайшим сожалением я вынужден констатировать, что это не так. Информацию, причем далеко не полную, а кое в каких весьма существенных деталях не отвечающую действительности, мы получили лишь после того, как схватили вас за руку. Терра готова поверить, что это произошло по случайному недосмотру. Терра также готова поверить, что в сообщенных ей фальсифицированных данных нет прямой вины правительства Дна… – Валентин набрал в грудь воздуха, готовясь продолжать.

– Это возмутительно! – тонкой фистулой возопил главный конструктор. – О какой фальсификации идет речь?

– Охотно отвечу. – Валентин переждал краткий приступ дурноты и перевел дух. – Мощность электростанции, предназначенной для питания электромагнитов катапульты, занижена. У вас есть резервы. Два генератора простаивают – один якобы остановлен на ремонт, другой стоит вообще непонятно почему. Имеются энергонакопители. В случае необходимости мощность электростанции может быть повышена процентов на пятьдесят, а если кратковременно,

то и вдвое. Удивительное совпадение: сечение проводов электромагнитов катапульты позволяет пропустить по ним вдвое больший ток, чем у вас указано. Кто-то полагает, что на Терре не знают основ электротехники? И наконец, диаметр канала катапульты не соответствует диаметру показанной нам ракеты. Я был бы крайне признателен, если бы вы сообщили мне прямо сейчас: где вы прячете первую ступень ракеты-носителя с разгонными ускорителями? Не в том ли цехе, который нам не удалось осмотреть из-за якобы случившейся в нем аварии? Кстати, что у вас там разлилось – топливо, окислитель?

– Окислитель, но…

– Окислитель на сборочном производстве! Гениально! У вас везде дело так поставлено?

– Вот видите! – просиял главный конструктор. – Вы знаете, как надо поставить дело, а мы не знаем. Откуда нам знать? Дело для нас новое, неизученное, бредем ощупью впотьмах… – Подлец заведомо валял дурака.

– А где ваш нуль-передатчик? Точнее, не ваш, а наш, украденный?

Туземец не ответил – начал задыхаться. Дергал щекой и челюстью, судорожно глотал, хватался за сердце, из серого стремительно делался синим. Многие повскакивали, зашумели. Кликнули медиков. Квай глазами показал Валентину: так, мол, их, браво!

Медики, очень похожие на серых ворон, увезли главного конструктора на урчащей механической каталке. Валентин предложил собрать закрытое заседание комиссии – через час. Голосование по предложению было чистой проформой: Валентин видел, что одерживает верх. Этот час был нужен ему, чтобы отдохнуть в ванне.

Квай отдыхать не стал – торчал возле ванны в экзоскелете, даже приплясывал немного, ухмылялся и болтал:

– Теперь они попались, и главное здесь то, что они это знают… Браво, шеф, браво. Щелчка им по носу. Только не надо беспокоиться за агентуру, у здешней контрразведки ни опыта, ни смекалки. Если кого и поймают, то нам-то какое дело? Слава богу, мы не нелегалы какие-нибудь. Так их, шеф. Давить и давить. Лис сам даст команду остановить все работы…

Валентин благосклонно внимал. Да, он показал, что знает гораздо больше, чем предполагали туземцы, – откуда, спрашивается? Но так было надо. А насчет агентуры Квай сказал зря, Валентину не было до нее дела, кроме, пожалуй, Астры. Прочие же продажные человечишки – если только можно назвать донника человеком или хотя бы человечишкой – не стоили специального внимания. Будут ли они богаты или бедны, свободны или нет, будут ли и дальше гнить на Дне живьем или станут гнить в местной почве в виде трупов – какая разница? Да ни малейшей!

Давить членов комиссии приходилось, к сожалению, только фактами и логикой. И Валентин не был настроен так уж радужно.

– Второй случай симуляции болезни за последние дни, – лениво сказал он. – Туземцы повторяются. Когда они поймут, что этот метод с нами не работает, – а я думаю, что они это уже поняли, – то перейдут к новой тактике. Наверное, хором «включат дурака». У них к этому природные способности. Хочешь пари?

– Не хочу, – засмеялся Квай. – Не люблю проигрывать.

«Кажется, я становлюсь провидцем», – подумал Валентин, когда комиссия вновь собралась и председатель предложил каждому высказаться по сути дела. Члены комиссии по очереди брали слово. Один за другим, простодушно моргая, они сообщили, что плохо понимают, зачем их, собственно говоря, сюда привезли, вырвав из семейного уюта: ведь каждому понятно, что метеорологические ракеты – дело нужное, поскольку в отдаленной перспективе оно, возможно, сулит хоть какое-нибудь управление погодой, а то ведь житья нет от этих ураганов. Избыточность мощности ракеты и катапульты? Возможно. Но что в этом плохого? Страховка от разных случайностей, на которые так щедра планета, и не более. Дно – это Дно. А если никаких

случайностей не произойдет, то ракета заберется повыше, только и всего. Наверное, так надо, метеорологам виднее. «Чистому небу» можно и нужно доверять…

Расчетам они не верили, соглашаясь, впрочем, передать их для изучения лучшим специалистам по баллистике. О нуль-передатчике слыхом не слыхивали. Один вообще не понимал, о чем идет речь, спрашивал, что такое орбита, и был потрясен, узнав, что планета имеет, оказывается, шарообразную форму. Другой бубнил, что не след государству вмешиваться в частную инициативу, это подрывает основы. Лишь трое высказали осторожное сомнение и предложили продлить работу комиссии вплоть до сезона ураганов.

– Чтобы застрять здесь на полгода? – осведомился хор из нескольких возмущенных голосов.

– Нет, но…

– Что значит «но»? Застрянем ведь! Я тебя знаю, ты от жены готов удрать куда угодно, а остальные тут при чем?

– Кто, я готов удрать от жены? Сам ты кобель! Кобель и дурак!..

Поднялся гвалт. Карлики разом вскочили, как подброшенные мощной пружиной. Даже не верилось, что Дно – тяжелая планета. Кто-то тряс кого-то за грудки, кто-то прилаживался направить жилистый кулачок кому-то в ухо. Вопили все. Председатель сломал о столешницу деревянный молоток, запустил обломками в чью-то морду. Еще чуть-чуть, и дело обернулось бы групповой дракой.

– Молчать! – во всю силу легких гаркнул Валентин.

Нет, что за прелесть родиться и провести почти всю жизнь на нормальной планете! Объем легких у посланца Терры был что надо, голосовые связки находились в полной исправности, так что в зале, казалось, лопнула акустическая бомба. Точно так же кричал Исиро Томита, командир Молниеносной эскадры, выводя свой потрепанный эсминец на курс сближения с неприятельским флагманом. И потомок не подвел предка.

Тишина не наступила – она просто рухнула. Даже Квай, присев, ковырял в ухе. Туземцы же просто окаменели, разинув рты. Жидкие волосенки на черепе председателя комиссии стояли дыбом.

– Теперь послушайте меня, – сказал Валентин. Был только один метод общения с этими увертливыми придурками: решительно брать быка за рога, и к черту всякий политес! – Консорциум «Чистое небо» готовит космический запуск, и вы прекрасно это поняли. Сейчас, не выходя из этой комнаты, вы составите заключение комиссии, я вам его продиктую. Оно будет таким, чтобы у правительства не осталось выбора: катапульту – разобрать, постройки – демонтировать, все изготовленные ракеты – уничтожить, электростанцию – взорвать. В противном случае Терра примет меры, это я вам обещаю. Торговое эмбарго – самое меньшее, чего вы можете ожидать. Вероятны и более жесткие действия. Как минимум, у вас не будет наших технологий. У вас не будет гель-коконов, а с мечтой об антигравитаторах и еще о многом вы можете проститься навеки. Вы лишитесь перспективы. Неужели вы всерьез думаете, что Терра не проживет без ваших алмазов?

Нет, они так не думали. Валентин понял, что победил. Теперь осталось лишь подсластить пилюлю, пообещав им толику личных благ, после чего приказать председателю взять лист бумаги – и пусть пишет. Под диктовку.

Глава 9
Второй раунд

– То ли вы знаете что-то, чего я не знаю, то ли вы просто везучий, – разглагольствовал Леонардо Квай, блаженствуя в бассейне торгпредства бок о бок с Валентином. – Нас можно поздравить с успехом, и в первую очередь, конечно, вас, шеф. Если вы не против, я бы поработал еще под вашим руководством – в смысле, потом, когда кончится моя командировка на Дно… Говоря по совести, я не очень понимаю, почему мы еще живы. Вижу тут только одно объяснение: туземцы все-таки отказались от своей затеи. В противном случае они просто-напросто не выпустили бы нас с космодрома или устроили бы крушение дирижабля. Честное слово, на обратном пути я постарел лет на десять – летел и дрожал. Очень даже просто: вынужденная посадка в горах, дирижабль поврежден, связи нет – не знаю, сколько бы мы выдержали, но до прибытия спасателей не дожили бы, как пить дать…

– Значит, по-твоему, они отказались от космической программы? – не выходя из блаженной неги, лениво промолвил Валентин.

– Несомненно! Струхнули. Правительство, наверное, вот-вот примет решение. Может, как раз сейчас принимает. А! Проформа. Что такое правительство Дна? Как и везде: высокооплачиваемые наемники крупных корпораций на временной работе. Думаю, мы сделали свое дело. В смысле – вы сделали.

– Я отмечу в докладе руководству твою роль, – пообещал Валентин. Он был настроен благодушно. Квай прав: дело сделано. Скоро этот факт станет очевиден всем, и тогда – прощай, Дно. Всплыть со Дна – и на Терру! Туда, где нормальная тяжесть и воздух не похож на кисель. К привычной жизни и привычному кругу общения. К заслуженной награде за выполненную миссию. К Вивьен. Будь проклято Дно со всеми его пакостями – тут некогда было даже вспомнить о невесте!

Скоро все изменится. Перестанут болеть мышцы и суставы. Исчезнут страшные мешки под глазами, разгладятся ненормальные складки, вновь подтянется куда ему положено оплывшее книзу лицо. И все будет хорошо.

Надо только не давать Лису извернуться, надо продолжать давить на туземцев до начала сезона ураганов. Ни в коем случае не ослаблять давление. Что ж, ждать осталось недолго. Если донники не демонтируют свою катапульту, то за них это сделает ветер. Валентин представил себе плотную среду, несущуюся со скоростью пневматического вагона, и внутренне содрогнулся. Ничто не устоит. В смысле, туземные дома выдержат, они рассчитаны на такие нагрузки, и зданию торгпредства ничего не сделается, а катапульту снесет. Должно снести. В наихудшем случае – сильно повредит, что, по сути, сведется к тому же. Никто на Терре не посмеет сказать, что миссия не выполнена, поскольку будут все основания полагать: на сей раз донники при всем их первобытном упрямстве забросят-таки свою нездоровую затею.

Минувшей ночью он сладко спал, привыкнув уже к укороченным вдвое местным суткам. Теперь они казались нормой, и Валентин рассудил, что, по максимуму обеспечив человека всевозможными неудобствами, Дно все же расщедрилось на маленькое удобство: чем сильнее выматываешься, тем чаще надо отдыхать. Пусть даже отдых на Дне – понятие весьма относительное.

Хорошо в бассейне! На Дне во всяком бассейне хорошо, а уж ежели он просторен, ежели заполнен теплой водой с солями и ионами, ежели в его углу оборудована гидромассажная ниша, ежели на бортике стоят бокалы прекрасного вина с Терры, то желающий чего-то еще – неисправимый привередник. Валентин не относил себя к таковым. Он просто блаженствовал, и блаженство усиливалось с каждым выпитым бокалом.

Он слушал Квая, а мысли текли своим чередом. Как все-таки хорошо расслабиться и позволить себе капельку после хорошо сделанной работы! Удивительно даже. Человек проник черт знает в какие тайны микро– и макромира, нащупывает связь с иными вселенными, он освоил треть Галактики, он даже сконструировал особо крепких андроидов-первопроходцев для дальнейшей экспансии, он научился получать ответы едва ли не раньше, чем задает вопросы, а его организм в основе своей все тот же. Главное – от спиртного косеет. Как хорошо!..

В разгар блаженства явился охранник и доложил: к господину третьему секретарю просится туземка. Валентин поморгал и кивнул. Астра? Наверное.

И она явилась, решительная, с упрямо поджатыми губами, вовсе не склонная благодушествовать. Явившись – без слов принялась раздеваться.

– Я ухожу, – объявил Квай. Даже не сослался на якобы неотложные дела. Что он подумал о своем начальнике?

Он еще вылезал из бассейна, вылезал с натугой, когда Астра стремительно вонзилась в воду. На этот раз у нее даже вышло что-то вроде полета, хотя и весьма краткого.

– Отдыхаешь? – осведомилась она, вынырнув у бортика рядом с Валентином. – Пьешь? Мне можно?

– Можно. – Валентин снизошел до того, что сам поднес ей бокал.

Вино ей не понравилось, и она вернула недопитый бокал на бортик. Странные все же вкусы у донников. А эта вдобавок не просто донница, а еще и водянка…

– Если тебе нравится, когда тебя обманывают, тогда, конечно, отдыхай, – заявила Астра.

– А меня обманывают? – иронически спросил Валентин.

– Это и ребенку понятно. Все бумаги будут подписаны. Правительство издаст суровые указы: этого – снять с работы, того – отдать под суд, работы прекратить, катапульту демонтировать. Только ничего этого не будет.

Хмель сразу выскочил у Валентина из головы.

– Думаешь, они осмелятся?

– Еще как осмелятся. И нечего тут думать – я знаю. У тебя нет надежного контроля. Выход в космос развяжет правительству руки. Народ поддержит. Терра не очень-то балует Дно, так? Теперь уже поздно давать поблажки от господских щедрот, надо было раньше. Девять из каждых десяти донников спят и грезят о независимости, как будто независимость – это благоденствие. Они, конечно, обманутся в ожиданиях, но это уже другой разговор. Твоя поездка ничего не изменила. Тебя и дальше будут водить за нос. Терра ведь не вмешается, так? У тебя нет надежных фактов.

– А у тебя они есть? – спросил Валентин.

– И у меня нет. Я не была на объекте, у меня нет допуска. Но я точно знаю: запуск назначен на… – Она уставилась в потолок, шевелила губами, загибала пальцы. – Ровно через пятнадцать дней.

– Ты уверена?

– Абсолютно. То есть настолько уверена, насколько вообще можно быть уверенной. Это ведь Дно, тут могут быть любые сюрпризы, так? Но если сюрпризов не будет, то через пятнадцать дней. Ты недооценил донников.

– Правда? – Валентин не пытался скрыть иронию.

– Ты еще сомневаешься? Думаешь, они глупые, так?

– Ладно, не думаю, – покривил душой Валентин.

– Думаешь, – отрезала Астра. – Продолжаешь думать. Поэтому если выиграешь, то не за счет себя, а за счет Дна. Твои агенты – да, не из самых умных. Даже я знаю троих… нет, четверых. По-твоему, их не знают те, кому это знать положено, так?

– Полагаешь, через них Лис скармливает мне дезу?

– Нет, – покачала головой Астра. – Теперь нет. Лично я думаю, что игра уже в другой фазе, так? Информация может быть неполной, фильтрованной, но она, как правило, качественная. Дело не в ней.

– А в чем же?

– Я думала, ты уже догадался, – с досадой сказала Астра. – И потом, я ведь тебе уже сказала, так? Проблема в отсутствии контроля с твоей стороны. Проблема в недооценке донников. Ты правда хотел добиться отмены запуска легальным путем?

– Следовало попытаться, – ухмыльнулся Валентин, пытаясь держать удар.

– Твой предшественник тоже пытался, а завершить попытку ему не дали. Ему помешали даже не донники, хотя могли бы. Ему помешало само Дно, так?

Валентин молчаливо признал ее правоту. Хотелось как следует разозлиться, но он знал, что этому чувству всегда нужна узда. Выходит, Лис и вся его шайка решились продолжить игру… Второй раунд, так сказать. И любопытнее всего здесь то, что они, по-видимому, уверены, что первый раунд остался за ними…

Они могут начать ленивый демонтаж не самых важных строений космодрома и вывоз второстепенного оборудования, они будут клясться всеми святыми, что ни о какой космической программе нет уже и речи, они могут даже инсценировать крупную аварию на объекте, и агентурные донесения будут в целом успокаивающими, – а в это время толстая сигара ракеты-носителя уже начнет свой путь из сборочного цеха к катапульте. И никто на свете уже не успеет вмешаться и прекратить…

Все-таки надо было сразу начинать с диверсии!

Да, но кто смог бы осуществить ее? Те агенты, которые известны даже Астре? Или те, которые ей не известны, но, по всей видимости, известны поименно невидимой, никак себя не проявляющей, но вряд ли спящей контрразведке Лиса?

Ну не глупо ли было думать, что контрразведчики донников совсем уж наивны и неумелы?! Что действительность такова, какой кажется?

Теперь Валентин ощущал ужас. Для второго раунда у него не было ни плана действий, ни реальной силы. И то и другое еще предстояло обрести, выработать, получить, притом как можно скорее и учетом новой вводной: противник хитер и неглуп. Счет пошел на дни.

Ох, трудно будет убедить Пегого Удава, что противник не только хитер, но и умен!.. А придется. Валентин поймал себя на том, что уже отшлифовывает в уме убойные фразы для спешной докладной наверх. Как можно скорее отправить документ – и поспешить следом. Доказывать – и доказать, черт побери! – что дешевая, по сути даже наидешевейшая имперская политика по отношению к Трону Аида изжила себя.

Одумаются? Сразу – нет. Чудес не бывает. Но хотя бы изыщут завалявшуюся за подкладкой малую толику средств и обеспечат операцию всем необходимым. Дадут то, при помощи чего инициативный человек может добиться многого – и добьется! Не этого ли ждет Пегий Удав? Он получит ожидаемое.

Хотя побрюзжит, конечно, что, мол, эмиссар не справился сам. Высокое начальство любит, когда подчиненные творят чудеса. Но чудес не бывает.

– Тебе нужна помощь, – подытожила Астра.

– Возможно, – осторожно ответил Валентин.

– Не «возможно», а наверняка. Тебе нужна помощь Терры, так? А еще тебе нужна моя помощь. И это тоже наверняка.

– Возможно…

– У тебя заело, что ли? – полюбопытствовала Астра. – «Возможно» да «возможно»… Когда до тебя дойдет, поздно будет, так? Я тебе нужна. И поэтому я хочу поставить условия.

– Да? – Валентин иронически поднял бровь. – Я слушаю.

– Дональбайн обещал мне Терру, так? Как минимум вид на жительство. Не какую-нибудь другую планету, а именно Терру. И еще подъемные. Ты подтверждаешь это?

– Да, но лишь при успехе.

– Ясно, что не при провале. Ну так вот: мне мало твоего подтверждения. Мне нужно побывать на Терре и получить официальную бумагу о гражданстве. Тогда я твоя, так?

Валентин налил себе еще вина и врастяжку выпил. Однако какой напор! Губа не дура у этой Астры. Впрочем, почему бы нет? При неуспехе миссии и даже при ее успехе всегда можно воспрепятствовать Астре перебраться на Терру. При контроле над Вратами это не проблема.

Приятно работать с наивными туземцами!

А с туземками, пожалуй, еще приятнее.

– А здесь тебя не хватятся?

– Я решу эту проблему.

– Тогда по рукам. – Валентин поставил бокал на парапет и правильно сделал: вместо делового рукопожатия Астра обвила руками его шею. Ее поцелуй был горячим и страстным. За поцелуем последовало и остальное. В голове Валентина ненадолго промелькнула мысль о Вивьен и о том, что, пожалуй, ему не следует делать того, на что нет санкции руководства, – и сейчас же в нем проснулся мужчина-дикарь. Давненько уже он летаргически спал, до полусмерти придавленный неподъемной тяжестью этого мира.

В гель-кровати он нипочем не пробудился бы. Лишь в бассейне он наконец продрал глаза и начал получать то, чего жаждал.

В объятиях такой водянки кто угодно согласился бы стать водяным.

Глава 10
Посмертный киборг Марек

Отсидка в барокамере при возвращении на Терру оказалась более продолжительной, чем при перемещении на Дно. Организм не любит, когда от резкого перепада давления в его сосудах кипит кровь. Ему это совсем не нравится, а значит, давление надо снижать медленно, по всей водолазной науке. Одновременно гравитаторы медленно уменьшали силу тяжести. Очень медленно, ибо в барокамере человек должен спокойно сидеть или лежать, а не скакать козлом, ошалев от нахлынувшей вдруг необычайной легкости во всем теле.

Повертев, как и положено новичку, сколько-то времени головой и не обнаружив ничего сногсшибательного, уснула в соседнем ложементе Астра. Валентин не спал, шепотом ругая конструкторов этого оборудования. Гравитация понемногу уменьшалась, а ему все еще было трудно дышать. Казалось, что тяжесть Дна – это навсегда. Подумать только, вырвавшемуся в нормальный мир Дональбайну хотелось тягать штангу! Валентин поклялся себе, что не станет поднимать ничего тяжелее бутерброда и вообще отдохнет на Терре как следует. Пусть очень недолго, зато качественно. Как растение. Да здравствуют ботанические виды отдыха!

Но когда люк наконец открылся, Валентин не вышел – выпорхнул птичкой из барокамеры. Его удивило, что он не может взмахнуть руками, как крыльями, и полететь. А, ладно! Хорошо и так! Ведь с такой упоительной легкостью в теле можно сколько угодно бегать и прыгать!

Оказалось – нельзя. Можно невзначай сломать себе шею. У персонала был опыт работы с подобными клиентами. Валентина поймали на старте, вкололи какую-то дрянь, от чего мышцы враз обмякли, и препроводили в стационар. С Астрой, тоже страстно желавшей летать или хотя бы прыгать, дюжим санитарам пришлось повозиться дольше, и они справились, лишь получив подкрепление. Кое-кому пришлось обратиться за медпомощью, хотя Валентин мог бы поклясться, что у водянки со Дна и в мыслях не было ничего дурного. Просто моторный рефлекс, а если и мускулы что надо – не стой на пути. Или лови таких клиентов особо прочной сетью.

Хотелось бегать, а заставили лечь в кровать. Перед этим измерили рост – он оказался на четыре сантиметра меньше, чем нужно, и этот цифирный дефицит лучше всяких слов убедил Валентина лежать спокойно. Ну, хотя бы постараться. Дональбайну пришлось хуже: он прожил на Дне гораздо больший срок. Это слегка утешало. Всегда приятно сознавать, что кто-то еще несчастнее тебя.

Интересно, на сколько сантиметров его сплющило Дно? Наверное, побольше, чем на четыре…

Иногда позволялось встать, но, боже упаси, не изображать из себя акробата, а держать себя в руках, тренируя силу воли. Из зеркала на Валентина смотрела жуткая образина, ассоциирующаяся скорее не с лицом, а с оплывшим огарком или подгнившим овощем. Нет, о встрече с Вивьен нечего было и думать. Лучше всего вообще не сообщать ей о возвращении.

Чуть-чуть беспокоил адюльтер с Астрой. Гораздо сильнее беспокоила судьба пространной докладной записки, отправленной еще со Дна. Валентин постарался сделать ее как можно более доказательной и считал, что преуспел в задуманном. Все равно было понятно: Пегого Удава записка не обрадует. Как минимум он продемонстрирует разочарование. Кой черт, попробовал бы он сам добиться успеха, имея под рукой столь скудные средства!

А все же было радостно. Природу не обманешь, и природа человека тут не исключение. Встреча с родимой Террой напоминала глоток чистого воздуха после долгого прозябания в душном подземелье. Даже вызов на ковер к Пегому Удаву не слишком испортил настроение.

У Пегого Удава уже сидела Астра. Прорвалась-таки. Выглядела злой и ощетиненной, но держала в руках свернутую в трубочку бумагу, причем держала так, что видно было: не отдаст, пока жива. Астра добилась своего. В причине ее воинственного вида Валентин тоже не усомнился: не столько Удав, сколько медики. Накинулись всей сворой на уникальный организм!

Пегий Удав выглядел как обычно – того и гляди набросится и задушит.

– Так-так, – пробурчал он, выслушав приветствие Валентина и выждав значительную паузу. – Не справился, значит?

– Я этого не говорил, – парировал Валентин.

– Но ты просишь помощи?

– Самой элементарной. Неудобство колониальной политики состоит в том, что нести расходы все-таки надо… особенно в критические моменты.

– Я твою докладную читал, – чуть-чуть смягчился Пегий Удав. – Я вон ее слушал. – Кивок в сторону Астры. – А теперь ты мне скажи: какой помощи ты ожидаешь? Денег? Или гражданство еще для кого-нибудь?

– Денег, – сказал Валентин. – И техники. На туземцев надежды мало, и время упущено. Теперь все придется делать самому.

– Какой тебе еще техники?

– Мне нужен флаер типа «Конкистадор» девятой модели с мимикрирующей обшивкой и плазменной пушкой, – сказал Валентин. – В разобранном виде он пролезет во Врата. Мне нужен техник для сборки, причем не дохляк, чтобы он мог хотя бы день-другой продержаться на Дне. Остальное я перечислил в докладной.

– Хм, перечислил… – скривился Пегий Удав. – Я читал, что ты там перечислил. Порешь горячку, а? Не смог провернуть дело чужими руками, теперь хочешь своими? Знаешь, как это называется?

Валентин ждал такого вопроса.

– Это можно назвать истерикой на базе профессиональной непригодности, – холодно сказал он. – Можно, но не нужно, поскольку это не так. Вынужден повторить: мы крепко недооценили донников. Я это понял. Не сразу, и жаль, что не сразу, но понял.

– Ну, хоть в чем-то виноват, – проворчал Пегий Удав, и Валентин понял, что достиг цели. Высокое начальство признало: ни Дональбайн, ни Валентин сами по себе ничего не добились бы, и если бы проклятая ракета донников все же не смогла бы выйти в космос по любой из тысячи возможных причин, то в том не было бы заслуги дипломатов Терры. Пегий Удав проникся: донники ведут игру – у этих убогих хватает наглости вести свою игру! – и на своем поле вполне могут выиграть. Можно поручить десятку агентов совершить диверсию на стартовом комплексе, но как проконтролировать их деятельность при неразвитости средств транспорта и связи на Дне? Никак.

Возможно, семерых из этой условной десятки контролирует контрразведка Лиса. А трое слишком глупы для того, чтобы учинить диверсию даже в прачечной, не то что на стартовом комплексе. Пропорции могут быть иными, но сути это не меняет.

Не уповать же на то, что природные силы Дна вмешаются и сами разрушат дурацкую электромагнитную кишку, протянутую туземцами по склону Клоаки Сатаны! Любому здравомыслящему человеку известно: силы природы вмешиваются всегда некстати, а когда они нужны позарез, их нипочем не допросишься. У законов подлости вселенский масштаб.

– Быть может, вы хотите сказать, что для выполнения поставленной задачи нужен диверсант, а не дипломат? – вкрадчиво произнес Пегий Удав, и «вы» вместо ставшего уже привычным «ты» ударило Валентина сильнее, чем ударил бы гнев начальства.

В горле сразу запершило. Валентин откашлялся, прежде чем ответить:

– Я справлюсь.

– Из вашего личного дела следует, что вы не проходили специальную подготовку, – продолжал «выкать» Пегий Удав. – Ту подготовку, какую проходят дипломаты, работающие на сложных планетах. Может быть, и вправду стоит поручить выполнение миссии кому-нибудь другому?

«Да за кого он меня принимает?» – возмутился Валентин и сейчас же показал, что у него есть школа:

– Прошу прощения, речь идет не о выполнении, а о завершении миссии. Практический курс спецподготовки малополезен для Дна, а теоретический можно закачать мне через ментограф. Повторяю, я справлюсь. Разумеется, если получу ту малость, о которой прошу.

Пегий Удав хмурился. Сидел набычившись, недовольно морщил лоб, и пигментные пятна на лысом блестящем черепе выглядели зловеще. Впрочем, кто и когда видел первого вице-министра по делам Лиги веселым? Удавы не умеют веселиться, так уж они устроены.

– Ты получишь больше, чем просишь, – сказал он наконец, и у Валентина отлегло на душе. – На время операции я подчиню тебе Марека Бема. Слыхал о таком? Он посмертный киборг. Для него практический курс спецподготовки не малополезен где угодно…

Кто же не слыхал о Мареке Беме! Широкую известность в узких кругах Марек получил еще тогда, когда Валентин просиживал штаны в Академии межзвездных отношений. Ас и виртуоз секретных операций! Но почему посмертный киборг? Он умер?

Хотя чему удивляться? Где опасность, там и трупы. Физическая смерть не щадит порой и лучших. Хорошо, что это только смерть вещественной оболочки. Надо думать, Марек обитает в механическом теле временно, пока ему не подберут или не вырастят новое тело.

– Буду рад оказать помощь, – раздался приятный баритон, и из-за кресла Астры выкатилось нечто. Сильнее всего оно походило на поблескивающий металлом бублик – метр в поперечнике, сантиметров сорок в высоту, два соосных воздушных винта внутри бублика и восемь манипуляторов по окружности на манер паучьих ног. Впрочем, для передвижения киборг ими не пользовался. Никакого придатка, хотя бы отдаленно напоминающего голову, у конструкции не наблюдалось.

Астра пронзительно взвизгнула и, подскочив, едва не пробила головой потолок кабинета. Дикарка, что с нее взять. Приземлившись, спряталась за опрокинутым креслом от страшного буки.

– Ну-ну, – проворчал Пегий Удав. – Не надо пугаться. Это человек. Следовательно, он информационная система, а носитель не имеет принципиального значения. Для данной операции мы использовали конструкцию тела, специально разработанную для тяжелых планет с плотными атмосферами.

Зашумели винты. Бублик слегка оторвался от пола и двинулся на воздушной подушке. Затем прибавил оборотов, взмыл и завис между полом и потолком. В кабинете стало ветрено.

– Ну хватит, хватит, опустись, – велел Пегий Удав, и бублик, он же великий диверсант Марек Бем, мгновенно послушался. – Он уже третий день осваивается с новым телом. Ну как, Марек, освоился?

– Практически да. – Понять, каким местом бублик говорил, было невозможно. – Думаю, в условиях Дна я смогу не только летать, но и нести порядочный груз.

Однако!.. Валентин понял: его докладная сработала как надо, Удав сразу начал действовать. Старик-то еще ого-го! Но как досадно, что он решил подстраховаться! Выходит, не доверяет…

– Польщен знакомством, – почтительно сказал Валентин в сторону бублика. – Однако я уверен, что могу справиться и сам, если получу все, что перечислено в докладной…

Бублики не имеют плеч, но у Валентина сложилось впечатление, что Марек Бем молча пожал плечами.

– Дают – бери, – отрезал Пегий Удав. – Если покупаешь Диогена, приходится купить и бочку, иначе будет некомплект.

Валентин даже не сразу понял, что стал свидетелем небывалого явления: Удав сострил.

Глава 11
Второе погружение

Эх, Дно, Дно… Кто тебя только выдумал? Почему из остывающей космической пыли лепятся не только порядочные планеты и луны, но и такие вот монстры? Ведь это же надо обладать извращенным складом ума, чтобы слепить шар раз в двадцать массивнее Терры, – и зачем, собственно? Чтобы его недра не остыли никогда, чтобы твердую корку на поверхности все время корежило и ломало?!

Иного смысла что-то не просматривается. И добро бы шутник, ответственный за архитектуру планетных систем, пустил планету бродить по большой орбите где-нибудь на задворках системы – так ведь нет, взял и разместил ее в зоне жизни. Подумал ли этот черный юморист о том, что это будет за жизнь?

Впоследствии нашелся еще один такой же, принадлежавший уже к человеческому роду и, по-видимому, закоренелый мизантроп: отнес Дно к числу планет, условно пригодных для колонизации. Наверное, каждый, кто хоть раз в жизни попадал с Терры на Дно, горько жалел о том, что этот тип давным-давно умер, так давно, что даже могилы его наверняка не сохранилось и некуда плюнуть. А как хорошо было бы встретить его где-нибудь в безлюдном месте!.. Конечно, после встречи мизантроп не вылечился бы от мизантропии, куда там. Зато с переломанными костями не смог бы натворить столько бед.

Валентина посещали те же мысли. Чем ближе была новая встреча с Дном, чем сильнее наваливалась на него тяжесть в шлюзовой гравибарокамере, тем назойливее становились мечты о встрече тет-а-тет с тем негодяем. Можно без бластера, сошел бы и обрезок трубы.

Сухопутные твари Дна, увиденные Валентином в домашнем музее Лиса в виде чучел и скелетов, поражали малыми размерами – и неспроста. Крупный зверь не выжил бы на суше. Длинный, как автобус, нелепый вымерший слон динотерий непременно переломился бы пополам под собственным весом. О динозаврах и иных громоздких чудищах из далекого прошлого прародины человечества и говорить нечего. Верховые лошади на Дне невозможны. Верблюдам пришлось бы избавиться от горбов, дабы облегчить нагрузку на хребет. Если бы на Дне водился тигр, он был бы размером с кошку и мяукал.

Лишь одно неплохо при путешествии сквозь Врата с Терры на Дно: отсидка в гравибарокамере непродолжительна. Зато наваливающаяся с каждой минутой тяжесть действует угнетающе. Особенно на того, кто уже знаком с Дном по личным ощущениям.

Хорошо было лишь Мареку Бему. Посмертный киборг не нуждался в постепенной адаптации к условиям Дна в камере – он уже отбыл на Дно, чтобы адаптироваться на месте. У разумных механизмов свои преимущества.

Астра выглядела недовольной, сидела нахохлившись. Казалось бы, с чего? Добилась своего, получила вожделенную бумагу – и не радовалась. Почти не посмотрела Терру? Правильно, некогда было. Зато сполна ощутила, насколько восхитительна нормальная тяжесть, как раз та, на какую рассчитан человеческий организм, и как хорошо двигаться, когда вокруг нормальный воздух вместо невидимого киселя. Можно просто идти, нормально ходить, а не продираться и не диффундировать. Плохо ли?

– Как тебе Терра? – спросил Валентин излишне громко – у него то и дело закладывало уши.

– Что? – У Астры была та же проблема.

– Я спрашиваю, как тебе понравилась Терра?

– Я видела звезды… Вообще-то ничего особенного. Но красиво.

– Согласен. А сама Терра?

– Ты думаешь, эта бумага действительно чего-то стоит? – В голосе Астры Валентин уловил озабоченность.

– Гражданство? – поинтересовался Валентин.

– Пока всего лишь вид на жительство.

– Безусловно стоит – если наша миссия увенчается успехом.

– Это понятно. – Астра кивнула. – Кому я буду нужна на Терре, если у нас ничего не получится, так? Но кому я буду нужна на Терре, если у нас получится? Сейчас я нужна, потом – нет, так?

– Не так, – рассмеялся Валентин. – Понимаю твои сомнения, но ты не права. За все надо платить. Может быть, на Дне это не так, а?

– И на Дне так.

– Тогда тем более. Услуга подразумевает оплату. Ты выполняешь – Терра платит. Проще простого. Зачем нанимателю обманывать потерявшего ценность агента – чтобы лишиться доверия всей агентуры? Чтобы максимально затруднить привлечение новых агентов? Глупо.

– Всегда ли так?

– Не всегда, – признал Валентин. Чувствовал: как ни наивна Астра, не следует рассказывать ей сказки. – Бывает… по-всякому. Но в твоем случае не будет никаких всякостей. Нет смысла. Подумай – поймешь.

– Я подумаю, – пообещала Астра.

– Скажи лучше, чем ты займешься, когда мы переправим тебя на Терру.

– Не знаю. И об этом я тоже подумаю… Возможно, я пригожусь как эксперт по Дну, так?

– Даже наверняка. Но я тебе советую заняться профессиональным спортом. В беге и прыжках тебе не будет равных. Прославишься на всю Терру и разбогатеешь.

– Правда?

– Ты еще сомневаешься? Я видел, как ты сиганула от Марека. На Терре никто так не может. А еще я видел тебя на Дне. Ты ведь не пользуешься экзоскелетом?

– Откуда у меня экзоскелет? Мне за полжизни на него не накопить…

– Теперь и не потребуется.

– Но сплю я все-таки в гель-кровати, – призналась Астра. – Иногда еще в ванне, так? Однажды забыла выключить подогрев, едва не сварилась… А скажи… на Терре я буду считаться красивой?

– На любителя, – не покривил душой Валентин. – Не сомневайся, любители найдутся.

– А ты? – прямо спросила Астра.

– На Терре ты на меня и смотреть не захочешь.

– Захочу.

– Там увидим, – туманно пообещал Валентин, ощущая тревогу. Неужели водянка влюбилась в него? Это уже совсем лишнее. Не начала бы болтать – там, на Терре… Не начала бы простодушно и прилюдно, как это водится у дикарок, требовать ласк… Он намерен жениться на Вивьен Лоусон, ему нужен этот брак, а в ее семье понятие благопристойности вроде идола. Лоусоны такие аристократы, что по сравнению с ними даже Прямухины выглядят плебеями, и как всякие аристократы они чопорны, в высшей степени респектабельны и категорически благопристойны. По их понятиям, молодой человек, пока он не жених, имеет право на многое, но шашни жениха после обручения с невестой – более чем достаточный повод для разрыва, причем с великосветским скандалом, который совсем не нужен…

Тут было над чем подумать. И когда тяжесть в гравибарокамере сравнялась с тяжестью Дна, то есть стала почти нестерпимой, когда зашипел в клапане воздух, окончательно выравнивая давление, Валентин принял решение ничего не менять. Пока. До времени. Там видно будет. Сначала работа, потом остальное. Если Астра окажется непонятливой, придется оставить ее на Дне. Такова жизнь.

Пройдя Врата, сердечно распрощались. Астра исчезла и растворилась в сером городе, а Валентин первым делом нашел Леонардо Квая.

– Что нового?

– Прибыл в разобранном виде «Конкистадор», его собирают, – с готовностью доложил рыжий помощник. – Прибыл Марек Бем, летает по всему торгпредству, адаптируется. Туземцам мы его не показываем.

– Это правильно.

– Он сам на этом настоял.

– Тоже правильно. Туземцы по-прежнему околачиваются у ворот?

– Позавчера еще околачивались, – оживленно сообщил Квай. – О чем мы, понятно, сообщали местным властям. Те – ничего. До лозунгов дошло: нечестно, мол, что Врата – собственность Терры, даешь свободную миграцию туда-сюда, долой акул межпланетного капитала и прочее единение пролетариев. Шумно было. Я даже подумал, что все-таки будет штурм. Потом полиция все же вмешалась, но не раньше, чем толпа стала мешать проезду по улице…

– Интересно было бы посмотреть на ту полицию, – усмехнулся Валентин.

– А, ничего интересного. Подошли два хмыря в нарукавных повязках, поговорили с туземцами – те и разошлись.

– Мирно?

– Конечно. Это Дно, тут насилия почти не бывает. Полицейские им: чего, мол, стоите почем зря, грыжу наживаете? Те и осознали.

– И оружием не пришлось грозить?

– У тех полицейских и дубинок-то не было, – сказал Квай. – Чего зря лишний вес таскать? А слово, оно ничего не весит. Надо просто знать, как с туземцами разговаривать.

– Ты знаешь?

– Откуда? Я же не туземец.

Верно. Квай не был туземцем. Он считал дни, оставшиеся до возвращения на Терру, и, наверное, зачеркивал клеточки в календаре. Потому-то и был беспечен, по обыкновению предаваясь экономии мышления. Валентина же информация насторожила.

При каком условии возбужденная орущая толпа безропотно подчинится всего-то двум невооруженным полицейским?

Только при одном: полицейские заодно с толпой, и толпа видит в них главарей.

Валентин пошел доложиться торгпреду. Как обычно, тот лениво плавал в личном бассейне и сейчас же пригласил гостя присоединиться. Распространяя запах хорошего алкоголя, участливо спросил о делах. Не вдаваясь в подробности, Валентин ответил, что дела идут как нельзя лучше.

– Да вы залезайте, залезайте сюда, поплавайте. – Торгпред делал рукой приглашающие жесты. – Не хотите? Напрасно. А вы крепыш… Только, знаете ли, Дно любого крепыша сломает. Оно кого угодно сломает.

– И донников? – спросил Валентин.

– Они давно сломлены. Разве вы не видите? Хотите знать, что я думаю по поводу их стартового комплекса на склоне Клоаки Сатаны?

– Конечно хочу.

– Бутафория. – Торгпред икнул. – Они очень стараются, но сами не верят в успех. Кому, как не им, знать, что такое Дно? С вероятностью в девяносто девять процентов у них ничего не выйдет, и они прекрасно понимают это. Вы спросите: зачем же тогда они тратят на свою катапульту столько времени, сил и средств? Попытайтесь-ка ответить сами.

Валентин пожал плечами.

– Если дело обстоит так, как вы полагаете, то резон тут может быть лишь один: произвести впечатление на Терру, выторговать некоторые уступки… Но вы в самом деле так думаете?

– Я знаю, что такое Дно, – засмеялся торгпред и, нечаянно погрузившись, забулькал. Валентин покинул торгпреда в некотором сомнении. Вот и еще одна версия… Невероятная? Скорее всего да, но ведь торгпред сказал правду: лучше него никто не знает Дно и донников… Э! Теория теорией, а катапульта катапультой. Лишь после ее уничтожения теория станет практикой.

Уничтожить. Так решено и одобрено свыше, а значит, так и будет. Перекрыть донникам выход в космос. Отучить их даже мечтать о независимости. Изъять эту мечту у их потомков до двузначного колена. Заткнуть хорошей пробкой эту бутылку с джинном и залить пробку сургучом.

Сколько там времени джинн сидел в бутылке в древней сказке – тысячу лет, кажется? Вполне приемлемый срок.

Глава 12
Долететь и вернуться

Ночью здание начало тихонько подвывать. Нетрудно спроектировать и возвести массивный куб торгпредства без всяких окон, заменив их обзорными экранами, но избавиться от вентиляционных шахт гораздо сложнее. На столицу обрушился ветер. Навалившись, он стал напоминать водный поток ниже прорванной дамбы, он нес вырванные с корнем кусты и всякий хлам, перед ним нельзя было устоять, и столичные жители мигом попрятались по своим конусообразным жилищам, лишь мотало туда-сюда перед фасадом торгпредства чью-то заякоренную черепахоподобную машину. Дробясь на бурные ручьи, поток настырно лез во все щели, визжал и выл в автоматических заслонках вентиляционной системы, и стены дрожали мелкой дрожью.

– Это еще не сезон ураганов, – разъяснял Квай. – Это лишь предвестник, к утру он стихнет. Перед сезоном ураганов бывают такие предвестники, иногда один, а бывает, что и три-четыре. Больших бед от них ждать не приходится, вот настоящие ураганы – те да. Они гораздо мощнее.

Утешил называется.

– Значит, катапульту такой предвестник не разрушит? – задал дельный вопрос Марек.

– Крайне сомнительно. Донники знают, как строить.

Мимо обзорного, во всю стену, экрана пронесло в свете прожекторов местного птеродактиля, явно дохлого. За ним, крутясь и хлопая дверью, пролетел какой-то сарай, взмыл в бурлящее небо и рассыпался. Незаметно поежившись, Валентин выключил экран.

– Следовательно, вылететь придется утром, – подытожил Марек.

План операции предполагал ночной вылет: меньше шансов, что заметят. Пусть лететь должен был только посмертный киборг, пусть конструкция его бублика включала в себя радиопоглощающую и мимикрирующую оболочку, но лишняя подстраховка еще никому не мешала.

Теперь предстояло обойтись без нее.

– Пожалуйста, изложите еще раз план действий, – попросил Валентин.

У него было ощущение, что знаменитый диверсант Марек Бем внутренне потешается над ним и его озабоченностью. Но хорошая школа есть хорошая школа: голос бублика-киборга был ровен и деловит.

– Я вылетаю, как только позволят погодные условия. Поскольку вылет, вероятно, состоится в светлое время суток, я сразу набираю высоту свечкой и теряюсь в дымке, чем минимизирую шанс быть обнаруженным визуально. Остаются лишь радары туземцев, однако я полагаю, что и тут вероятность обнаружения минимальна. Набрав высоту, я ложусь на курс. По прибытии в указанный район я провожу дистанционную стратиграфическую съемку вулкана, известного как Клоака Сатаны, а также воздушную разведку в районе стартового комплекса. С добытыми сведениями я возвращаюсь на базу, проще говоря, сюда. Я должен принять все меры к тому, чтобы не дать противнику обнаружить себя. Это все.

– Вы уверены, что заряда ваших бортовых батарей хватит для полета туда и обратно? – спросил Валентин.

На сей раз ему почудилась легкая ирония в ответе Марека. Или только почудилась?

– Даже с учетом массы подвесной аппаратуры заряда моих батарей хватит для облета планеты по экватору.

– Что ж, прекрасно, – подытожил Валентин. – Будем ждать.

Если Марек внутри своего бублика и потешался над таким руководством, то никак не дал это понять.

– На вашем месте я бы еще раз протестировал всю аппаратуру, – сказал Валентин.

– Как раз этим я сейчас и занимаюсь, – небрежно ответил знаменитый диверсант. Проверить, врет он или не врет, не представлялось возможным. Марек тестировал сам себя плюс навесную аппаратуру, каковую воспринимал как продолжение своего механического тела. Даже не стоило гадать, какие он при этом испытывал ощущения.

Валентин решил, что будет психологически неверно залечь сейчас в гель-кровать или нырнуть в бассейн. Он разрешил это сделать Кваю, но и тот решил изображать стоика. И они оба дотерпели в креслах до рассвета. Ураган, или, точнее, предвестник урагана, заметно стих. По улицам уже не летали ни кусты, ни сооружения. Черепаховидная машина куда-то делась: то ли с утра пораньше на ней уехал хозяин, то ли ее сорвало с якоря еще ночью. Марек по очереди распрямил и согнул каждую из восьми паучьих лап.

– Пора.

– Удачи, – искренне пожелал Валентин.

С легким шелестом бублик оторвался от пола и завис.

– Пожелайте мне чего-нибудь другого, – сказал он. – Перед тем заданием, где меня убили, мне как раз желали удачи. Не надо.

– Тогда просто: долететь и вернуться.

– Годится.

Во внутренний дворик торгпредства ветер нанес всякой дряни. Пропустив вперед Марека, Валентин остался на пороге. Он видел, как зависший над мусором бублик утратил металлический блеск, как его очертания сделались зыбкими, как спустя секунду и вовсе не осталось никаких очертаний, лишь дрожание воздуха, как над нагретым камнем, и как это дрожание взмыло вверх. Суток через пять-шесть Марек должен вернуться… Валентин почувствовал, что адски устал. Спать, спать… Когда Марек вернется, успешно выполнив задание, станет куда проще. Тогда останется всего один полет, и не придется ждать сутками, нервничая почем зря. «Конкистадор» девятой модели махнет до цели по суборбитальной траектории и будет на месте через час.

Возможно, надо было и разведку выполнить с флаера. Валентин пошел на риск, доверив эту миссию медлительному Мареку. Он-то с большей вероятностью останется незамеченным – но время, время… Из головы не шла мысль: а ну как туземцы успеют запустить свою ракету?

Не должны успеть. По всем прикидкам не должны… Ну а вдруг? Бывают в жизни добрые чудеса, но случаются и злые.

На Терре эта мысль не дала бы спать. На Дне утомленный Валентин уснул сразу, как только упал в гель-кровать.

И пошли дни ожидания. С утра до вечера Валентин отмокал в бассейне – отращивал жабры, как, пьяно гыгыкнув, выразился торгпред. Агентуру не тревожил. Наметил день решающей операции и мысленно зачеркивал клеточки в воображаемом календаре.

Еще не хватало делать это въявь!

Марек вернулся на день позже, чем рассчитывал. За эти дни ничего не случилось, но Валентин изнервничался. Тем радостнее он встретил летающий бублик и жалел, что не может предложить гению тайных операций бассейн и бокал хорошего вина.

– Как впечатления от Дна? – спросил он.

– Скучно, – ответил Марек. – Воздух плотный, полет медленный. Если бы не шторм на обратном пути, то и вспомнить было бы нечего.

– А… задание?

– Выполнено полностью. Можно скачивать данные.

Информацию скачали. Валентин всмотрелся в трехмерную прозрачную модель Клоаки Сатаны и не подпрыгнул от радости лишь потому, что прыгать на Дне никому не захочется.

– Вот тут, видите? Леонардо, видишь? Что это, по-твоему?

Морща лоб, Квай соображал, как бы не попасть впросак.

– Э-э… магматический очаг?

– Точно. Подповерхностный и довольно неплохой. Главное, как раз под западным валом. Марек, вам видно?

– Это уже не мое дело, – равнодушно проговорил бублик.

Он был умен, и он был прав, предполагая, что Валентин предпочтет обойтись без него на завершающем этапе операции. Он знал людей. Такие, как Валентин Прямухин, ни с кем не делятся успехом – в лучшем случае отщипывают крохи. Что ж, крохами удовлетворится Квай, а Марек Бем отбудет на Терру, где ему без спешки выращивают из стволовых клеток новое тело – настоящее биологическое, а не бублик с пропеллером.

– Что ж, как вам будет угодно. – Неопытный слушатель не уловил бы радости в голосе Валентина. – Во всяком случае, спасибо. Вас точно не засекли?

– Смотря кто. Местные птеродактили – те интересовались. Пришлось их разубедить.

Валентин не стал спрашивать, какое оружие вмонтировали конструкторы в тело посмертного киборга. Возможно, Марек и не ответил бы.

– М-м… а туземцы?

– С вероятностью девяносто девять и девять – нет.

– Прекрасно. Главное, теперь можно обойтись без лучевой пушки… Какой роскошный магматический очаг, а? Одну ракету с гравитонной головкой вот сюда… или вот сюда… и кончено дело. Никто не обвинит Терру в диверсии. – Валентин сиял. Сиял и Квай, но не столь ярко: подозревал, что начальство еще втянет его в неприятности. – Смоделируем, подсчитаем, куда лучше ее направить. Флаер потянет нас двоих и ракету, а?

– Не знаю. – Улыбка Квая погасла, как выключенная.

– Трусишь? Еще как потянет. Перестань экономить мышление, и поймешь. Мне понадобится второй пилот на всякий случай.

Валентину почудилось, что Квай тихонько вздохнул. Наверное, так и было.

– Вы когда-нибудь видели действие гравитонного оружия? – спросил Марек.

– Лично – нет, – сознался Валентин. – Но имею представление.

Теперь ему показалось, что вздохнул великий диверсант.

– Я был на борту «Отчаянного», когда он всадил гравитонную ракету в крейсер Унии, – негромко сказал Марек. – Вам не нужно знать, где и когда это случилось. Просто пограничный эпизод. Вы представляете себе, что такое космический крейсер вообще и крейсер Унии в особенности? После попадания эта громадина попросту обрушилась внутрь себя, а «Отчаянный» испытал такое приливное воздействие, что сам едва не развалился на куски. До сих пор помню, как трещала обшивка. Учтите это. У вас боеголовка меньшей мощности, но все же советую пускать ракету с большой дистанции. И немедленно уносить ноги.

– Кто же захочет висеть над действующим вулканом? – рассмеялся Валентин. – Мы ведь не вулканологи.

Глава 13
Игра всерьез

В день вылета Валентину передали записку: «Они знают о флаере».

Подпись отсутствовала, а принесший записку дубина-охранник божился, что получил записку от какого-то мальчишки, но было ясно: писала Астра.

На этот раз она не пришла сама. Что бы это значило? Почуяла опасность и не собирается рисковать? Вероятно. Ставка в игре для нее велика: эмиграция на Терру!

– Судя по всему, Лис догадывается о плане наших действий, – сказал Валентин, созвав летучее совещание. – Не понимаю только, каким образом туземцы смогут заполучить документированные подтверждения нашего вмешательства. У «Конкистадора» мимикрирующая обшивка, глазом его не увидеть. Радар? Возможно, хотя обшивка флаера также и радиопоглощающая. Притом мало ли что может возникнуть на экране, особенно на такой планете. Они и не решатся предъявить такое «доказательство», как отметка от цели. Возможно, они надеются нам помешать? Тогда я хочу знать, как? Думайте.

– Никак, – сразу сказал Квай.

– А средства ПВО?

– Все равно никак. Если бы мы нацеливались на катапульту, электростанцию или сборочный цех – тогда да. Эти объекты можно попытаться прикрыть. Но мы собираемся бить по вулкану, причем будем, по всей видимости, скрыты от наблюдения его западным валом. У донников никаких шансов.

Валентин и сам так думал. Но оставался еще Марек Бем, собаку съевший на тайных операциях, и пренебречь его мнением было бы опрометчиво.

Бублик некоторое время молчал. У Валентина сложилось впечатление, что знаменитый диверсант нарочно придерживает ответ, словно учитель, позволяющий ученикам-несмышленышам додуматься самим.

– На улице перед торгпредством по-прежнему пустынно? – спросил он, не дождавшись от несмышленышей ответа.

– Я посмотрю. – Квай вышел и вернулся озабоченный. – Стоят… Плакаты держат: мол, Терра нашу кровь сосет. Толпа не толпа, но народец есть…

– Это первый фактор, – сказал Марек. – А вот второй. На этой планете «Конкистадор» может залезть в субкосмос?

– Ну, только если очень «суб», – ответил Валентин.

– Правильно. Но запущенная с его борта небольшая ракета может выйти на высокую орбиту? Особенно если снять с нее тяжелую боеголовку и заменить ее другой, легкой, с нуль-передатчиком?

Валентин хлопнул себя по лбу.

– Они знали, что мы придем к решению использовать флаер! Они догадались! Для того в прошлый раз и согнали толпу – демонстрировать готовность к штурму торгпредства… Поэтому дело тогда и кончилось пшиком – чтобы мы расслабились! Между прочим, мы это и сделали. Заняты другим, на толпу плюем, охрана скучает, и тут следует внезапное нападение с захватом флаера… Ох, Лис… Но они не успеют!

Теперь все детали головоломки стали на свои места. Замысел противника был рискован, но, учитывая его незавидное положение, блестящ. Он сулил донникам шанс. Валентин с неудовольствием осознал, что противник просчитал его шаги. Флаер… «Конкистадор» девятой модели… Стартовый комплекс у Клоаки Сатаны, немаленькие и недешевенькие сооружения, бездна денег и труда – все это могло и не пригодиться туземцам. Достигнет ли космоса первая же ракета, запущенная из катапульты, – бабка надвое сказала. Зато флаер из высшей

точки своей баллистической траектории может запустить малую ракету, способную выйти за границу радиационных поясов. И если прямо сейчас начнется штурм торгпредства…

Да. Если прямо сейчас. Если будут подтянуты силы – серьезные силы, не демонстранты. Если Лис решится бросить эти силы на бластеры охранников. Если штурм окажется успешным. Если туземцы захватят не только исправный флаер, но и Врата, не допустив прибытия с Терры нового подкрепления…

Черта с два. Они не получат флаер. Максимум они получат его обломки – уж об этом он, Валентин, позаботится в первую очередь! Хотя и в этом случае Лис выиграет раунд, на время обезопасив катапульту… Как ни крути, он окажется в выигрыше. Нет, надо лететь, и чем скорее, тем лучше. Скорость решает все. Игра пошла серьезная, ва-банк. Если штурм торгпредства состоится после отлета «Конкистадора», он не даст туземцам ничего, кроме болезненных издержек. Просто бандитское нападение, не предотвращенное властями. Терра отреагирует. В этом мире слабым не позволено глумиться над сильными. Правительство Лиса падет, уж об этом Пегий Удав позаботится. А новое правительство будет вовсю демонстрировать лояльность – хотя бы первые годы…

– Флаер готов, – скучным голосом доложил Квай.

– Прекрасно. Вылет через десять минут. Проверь аварийный комплект.

– Я хочу лететь, – внезапно подал голос Марек.

– Зачем? – спросил Валентин.

– Вам может понадобиться помощь.

– Не думаю, что она нам понадобится.

– В самый неподходящий момент вы убедитесь в обратном.

– Неподходящих моментов не должно быть. И не будет.

Всякого другого ему удалось бы отбрить подобным манером. Но не Марека Бема. Посмертный киборг не шевельнулся и не изменил тембр голоса, и все же Валентину почудилось, что Марек пытается учить его, как опытный наставник учит дошколят. Наверное, так оно и было.

– Мне пятьдесят лет. В восемнадцать я получил и выполнил мое первое задание. С тех пор я только и делал, что получал и выполнял задания. За тридцать два года их было выполнено… довольно много. Я завалил лишь одно задание – то, на котором было убито мое тело. В целом – великолепная статистика. А секрет ее прост: я никогда, вы слышите, никогда не упускал возможности подстраховаться. Начальство любит, когда по его велению подчиненные из кожи лезут и творят чудеса. Но еще больше оно любит стабильность результатов – когда они есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.